

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

ВЕСТНИК КИГИТ

СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

СЕРИЯ: ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ

№ 01 – 02 (15) • 2011

Ижевск 2011

ББК 60
УДК 378

Редакционный совет: председатель – докт. техн. наук, проф., академик *Никулин В.А.*; зам. председателя – канд. экон. наук, PhD, доцент, академик РИА *Дегтева О.А.*; отв. секретарь – докт. техн. наук, проф. *Пушкарев С.А.*, канд. экон. наук, доцент, член–корреспондент ИА УР *Мохначев С.А.*, ответственный за выпуск – канд. ист. наук *Зайцева Е.Н.*

Члены совета: докт. техн. наук, проф., чл.-корр. РАН *Гусев Б.В.*; докт. техн. наук, ст.н.с., чл.-корр. РИА *Толстых А.В.*; докт. экон. наук, проф., академик МИА *Тумаев В.А.*; докт. экон. наук, проф., «Заслуженный экономист РФ», директор института философии и права Удмуртского отделения УРО РАН *Шишкин М.И.*; докт. экон. наук, проф., «Заслуженный экономист РФ», директор института экономики и управления Удмуртского отделения УРО РАН *Боткин О.И.*

Рецензенты: Российская инженерная академия (РИА); Удмуртское отделение Российской инженерной академии, секция РИА «Проблемы инженерного и научного образования».

Вестник КИГИТ Серия: Социально-гуманитарные и общественно-политические технологии, вопросы истории. Серия: Инновационные технологии в образовании и науке. Ижевск: Издательство «КИГИТ», 2011. 90 с.

ISBN 978-5-902352-35-8

ББК 60
УДК 378

© НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий», 2011
© Авторы, постатейно, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Серия: Социально-гуманитарные и общественно-политические технологии, вопросы истории	4
<i>Пислегин Н.В.</i> Преобразования первой половины XIX в. (на примере Удмуртии): некоторые параллели с нашими днями	4
<i>Порохова А.В.</i> Новое социальное искусство в России 2000-х гг.	9
<i>Пислегин Н.В.</i> Земельный вопрос в Удмуртии первой половины XIX в.	15
<i>Касимов Р.Н.</i> Элементы формирования субкультуры современного поискового отряда	27
<i>Каткова С.В.</i> Концепт «Семья» в фольклорных текстах новеллистических былин и песен	32
<i>Митюков Н.В., Порцева Л.П.</i> Позиция В.И. Ленина по вопросу о флоте	37
<i>Crawford K.R.</i> Thoughtson the naval technology used in the battle of the Yalu	43
Серия: Инновационные технологии в образовании и науке	52
<i>Емельянов А.В.</i> Гедонистические ценности и их воплощение в современной российской ситуации	52
<i>Фаюрина Е.А.</i> Практика применения компьютерной программы по изучению английского языка «LANGMaster. English elements» со студентами неязыкового вуза.	57
<i>Житомирова С.Г., Катыева О.В.</i> Подходы к формированию здорового образа жизни в Камском институте гуманитарных и инженерных технологий	62
<i>Емельянов А.В.</i> Тренды как способ структурирования социальной реальности	65
<i>Чиркова Г.П.</i> Инновационные технологии преподавания иностранных языков в неязыковом вузе	78
<i>Ворошилова Н.А.</i> Формирование навыков самостоятельности при обучении иностранному языку в колледже	82

РАЗДЕЛ 1 ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Н.В. Пислегин канд. ист. наук, зав. каф. гуманитарных дисциплин
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТИИ): НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ С НАШИМИ ДНЯМИ

Статья освещает особенности регионального отражения преобразовательской деятельности Российского государства дореформенной эпохи. Упор сделан на рассмотрении действий представителей местной власти или их предложений в духе патернализма.

The article deals with features of regional reflection of state reforms in Russia before The Great reforms. The main attention in the research is paid to the consideration of actions of representatives of local authorities or their proposals in a spirit of paternalism.

Ключевые слова: реформы, крестьянство, местная администрация, попечительство.

Keywords: reforms, peasantry, local administration, guardianship.

История, как известно, учит тому, что ничему не учит. Интересно наблюдать события, происходящие сегодня, и видеть параллели с прошлым. Одной из «родовых» особенностей российской государственности мы с полным основанием можем считать постоянное реформирование, преобразовательскую деятельность, в значительной степени направленную на преодоление перманентного отставания от мировых лидеров. Следует признать, что эти реформы объективно очень часто изменяли в худшую сторону положение «маленького человека», живущего на обширных имперских просторах в своих «мирах», в которые вторгалось государство с благими намерениями (а ими, правда, очень часто вымощена дорога в ад).

С петровских времен наша промышленность, прежде всего связанная с выполнением военных заказов, на равных (до определенного момента) конкурировала с западной. При этом она имела под собой крепостническую основу. В частности, появляется категория приписных крестьян, которые обязывались определенное число дней в году работать на казенных заводах. В начале XIX в. было решено заменить приписных крестьян так называемыми непременноми работникам, которые бы составляли примерно 1/20 часть от числа первых и постоянно занима-

лись вспомогательными заводскими работами. Задуманное первоначально во все-российском масштабе преобразование было осуществлено лишь на уральских заводах, к числу которых принадлежали Ижевский и Воткинский заводы.

Ликвидировались такие недостатки прежней системы, как отдаленность многих селений приписных крестьян от заводов, необходимость основной массы приписных участвовать в заводских работах – все это не могло не сказываться пагубно на их хозяйстве. Думается, власти учитывали и желали устранить эти изъяны. Но на первом месте были «общегосударственные выгоды»: более системное обеспечение промышленности рабочей силой. На Воткинском заводе основу новой категории составили бывшие приписные крестьяне, жившие, в основном, в смежных с заводом селениях. Другая ситуация сложилась на Ижевском заводе, окруженном волостями (Завьяловская, Юскинская, Бурановская, Чутьрская и Нылги-Жикьинская), населенными по преимуществу удмуртами, которые ранее не считались способными к заводским работам. Между представителями власти разгорелась переписка относительно целесообразности зачисления крестьян-удмуртов в число непрременных работников. 5 января 1805 г. последовало высочайшее повеление не исключать удмуртов из действия нового закона. Выбор пал на Юскинскую и Завьяловскую волости как самые близкие к Ижевскому заводу. В 1807 г., когда в Ижевске было открыто оружейное производство, начался и перевод казенных крестьян указанных волостей в непрменные работники. Однако перспектива изменения строя жизни и выполнения новых обязанностей вызвала бунты июня-октября 1807 г. и весны 1808 г.

Положение непрменных работников, несмотря на все «даруемые» льготы (например, освобождение от необходимости платить подушную и оброчную подати), было все же намного тяжелее положения государственных крестьян, и удмурты, жившие недалеко от завода, понимали это. Другой, не менее значимой причиной можно считать то, что любое серьезное изменение своего статуса крестьяне, предпочитавшие жить так, как жили их предки веками, воспринимали негативно.

Во второй четверти XIX в. российским правительством были предприняты кардинальные преобразования по отношению к государственному и удельному крестьянству (к этим категориям принадлежала большая часть населения Удмуртии рассматриваемого времени). Местное чиновничество также не оставалось в стороне и предлагало свои проекты по улучшению положения подведомственного сельского населения. По мнению гражданского губернатора А.А. Корнилова, предложившего введение в Вятской губернии «образцовых хуторов» в начале 1838 г., «улучшения» крестьянского хозяйства «усиленными мерами» могли привести к волнениям. В качестве примера он приводил удельных крестьян Сарапульского уезда, взбунтовавшихся в 1834 г. из-за того, что их заставили сажать

картофель. По представлению губернатора, новации было необходимо вводить «постоянно, мало-помалу, вместе с образованием крестьян, не трогая их собственности и предрассудков... и действуя на умы их... силою примера и чувством собственного каждого прибыли». Именно образцовые хозяйства, устроенные на «свободной земле казенным иждивением», с использованием простых орудий труда, привлечением труда сирот или детей зажиточных и многосемейных крестьян, похожие «более на богатый крестьянский дом, чем на казенное заведение», могли стать таким средством улучшений крестьянского хозяйства. Предостережения Корнилова не были услышаны, и в 1841–1844 гг. по стране (в 1842 г. в Вятской губернии) прокатились «картофельные бунты» государственных крестьян. Бунты эти, с одной стороны, были жестко подавлены, с другой, практику обязывать крестьян сажать картофель власть прекратила. Были найдены иные механизмы внедрения инноваций, во многом сходные с предложениями вятского губернатора. Упор отныне делался на пропаганде и премировании «за разведение сего овоща преимущественно на полях и за обращение одного в корм скоту». В результате в 1861 г. «посевом картофеля занимаются поселяне в более обширных размерах, вполне осознав материальные выгоды, доставляемые им этим полезным растением». По замечанию председателя Вятской палаты государственных имуществ Г. Круковского, относительно широко посевами картофеля занимались русские крестьяне Нолинского, Слободского, Орловского, Котельничского и Вятского уездов, испытывавшие недостаток земли. Напротив, крестьяне Глазовского, Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов, особенно удмурты, имевшие больше земли, позволявшей обеспечить себя хлебом, и не имевшие значительных возможностей для его продажи, сажали картофель в основном в огородах. А сегодня нам очень сложно представить жизнь без «второго хлеба».

Местные власти отмечали следующую закономерность: когда какое-либо полезное, по их мнению, мероприятие «не было делаемо для крестьян обязательным и вводилось по доброй их воле», то чаще всего оно не получало распространения. Так, например, случилось с добровольным страхованием крестьянского скота, предпринятым Министерством государственных имуществ с 1854 г. По донесению малмыжского окружного начальника, крестьяне «за всеми убеждениями... желания не изъявили: одни за нахождением в их селениях в малом количестве скота и другим местным неудобствам, а другие по незначительности мирского капитала, проценты с которого можно бы было уплачивать в страховую премию». Сарапульцы свой отказ обосновали следующими причинами: «1. скот... самой мелкой и дешевой породы и содержится у каждого домохозяина понемногу... 2. по неимению пастбищ ходит везде без всякого призрения и часто теряется или поедается зверями, или тонет в реках и болотах, и 3. падежи в Сарапульском

уезде случаются нечасто». Надуманность отказов особенно явственна здесь по третьему пункту: именно в Сарапульском уезде, граничившем со степными районами Оренбургской губернии, эпизоотии случались часто. Подобные же ответы получили от крестьян глазовский и елабужский окружные начальники.

Заслуживает внимания другое предположение А.А. Корнилова относительно улучшения материального положения вятского крестьянства – это уравнение его землевладения, отрезка «излишней» земли у зажиточных и передача ее малоземельным крестьянам. Для этого предполагалось командировать в губернию землемеров для «производства нужных геодезических работ». Если по первому суждению Корнилова в рамках учрежденной палаты государственных имуществ велись работы, то по второму предложению каких-либо решений нами не прослежено. Скорее всего, в условиях намечавшегося расслоения крестьянства такое поистине радикальное предложение не имело, да и не могло иметь перспектив внедрения. Сложно (или страшно?) представить, по какому пути мы пошли бы в случае начала такой политики в 1830-е гг. Правда, заметим, что когда в пореформенную эпоху правительство активно внедряло новшества в сфере промышленности, в аграрной части ограничивались земельные переделы, разделы крестьянских семей, вводился институт земских начальников... Все это попытки предотвращения разложения общины (механизма местного самоуправления и опоры власти), которую Корнилов хотел решить по-своему. В наши дни тоже появляются рецепты подобного «простого и кардинального» решения проблем сельского хозяйства. Так, руководитель одного из СПК Удмуртской республики летом 2007 г. для предупреждения настоящего бегства работников из аграрной сферы и возникающей в том числе вследствие этого катастрофической нехватки рабочих рук вполне серьезно предлагал во время страды запретить принимать их на какие бы то ни было иные работы. Как это комментировать? Может, как предложение начать новое крепостное право?

В числе предлагаемых во второй трети XIX в. мер можно отметить многочисленные циркуляры и руководства, исходившие от министерств внутренних дел, государственных имуществ, императорского двора и уделов, других ведомств, а также наставления и пожелания частных лиц по самым разным вопросам хозяйствования, охраны здоровья и т.д. Они рассылались выборным начальникам для внедрения в сознание «непросвещенного» крестьянства либо через губернские и уездные органы власти, либо «посредством припечатывания» в приложениях к губернским ведомостям. Тематика их обширна: о пользе травосеяния, о необходимости расчищать леса и осушать болота, об усилении озимых посевов весной, о пользе глубокого пахания песчаных полей, о необходимости улучшения естественных лугов, о заведении четвертого овощного поля, о пользе

картофеля и его применении и сохранении, о борьбе с различными вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур, о мерах предосторожности при появлении падежей на скот, о лечении распространенных заболеваний людей и домашних животных, о неупотреблении в пищу соленой белугины, о печении хлеба из картофеля, свеклы, тыквы и репы, о белении холста свежим коровьим навозом и т.д. И сегодня мы тоже на всех уровнях можем наблюдать подобные попытки власти улучшить жизнь или эффективность деятельности подвластных. Традиции патернализма весьма устойчивы.

Можно отметить многочисленные проекты и предположения, исходившие из недр местных органов управления крестьянами, начиная от предложения «о заведении в крестьянских полях живых изгородей» (что, по мнению малмыжского окружного начальника, способствовало бы сохранению казенного леса и сбережению крестьян от уплаты поденных и штрафных денег за самовольные вырубki на жерди для изгородей) и заканчивая «дарованиями преимуществ земледельческому классу». Передовые представители органов власти на местах постепенно начинают приходить к пониманию невозможности кардинальных улучшений без изменения «политического состояния земледельческого класса». На рубеж 40–50-х гг. XIX в. приходится проект ассессора Вятской палаты государственных имуществ Микульского и его непосредственного начальника А.Д. Игнатъева, работавших с самого основания палаты и пришедших к выводу о необходимости изменения правового положения государственных крестьян, а именно введения для них звания, соответствовавшего статусу почетного гражданина у городских сословий. А.Д. Игнатъев писал по этому поводу: «В осуществлении идей в изменении хозяйства тем более является необходимым действовать не словесными и письменными доводами, но примером и дарованием особенных преимуществ земледельцам, отличившимся на поприще разного рода улучшений в сельском хозяйстве». Данное новшество, по мнению Микульского и Игнатъева, позволило бы прекратить переход зажиточных крестьян в более привилегированные сословия, что, в свою очередь, сохранило бы их капиталы в сельском хозяйстве, а в конечном итоге позволило бы совершить «всеобщий переворот» в аграрном производстве. Проектом предполагалась введение званий личных и потомственных (в зависимости от степени вклада в дело усовершенствований сельского хозяйства и их распространения) почетных земледельцев, свободных от подушного оклада, рекрутской повинности, телесных наказаний, имеющих преобладающий голос на общинных сходах и исключительное право занимать должности волостных голов и обладающих рядом других привилегий по примеру дарованных почетным гражданам. Обращалось внимание также на предоставление льгот священникам, использующим передовые приемы ведения сельского хозяйства и передающим

их крестьянам. Предусматривались раздача наград, «приличных духовному сану», отвод земли для их образцовых усадеб, а также способствование тому, чтобы епархиальное начальство не переводило их в другие приходы, а в случае перевода замещало их «подобными же благонадежными лицами».

Эти предложения рассматривались ученым комитетом Министерства государственных имуществ и были отвергнуты. Отказ обосновывался следующими причинами: 1) постоянное «дарование» звания почетного земледельца может привести к тому, что «значительная часть населения может быть отвлечена от лежащих на них податей и повинностей, которые тем тягостней падут на непривилегированный класс земледельцев», и 2) предлагаемые меры могут только уменьшить значимость «раздаваемых ныне от Министерства государственных имуществ для поощрения их хозяйства почетных и денежных наград; но никогда не заставит поселян отказаться от прежних их обычаев». Окончательный вердикт по проекту предусматривал лишь принятие его «к сведению» и исследование частоты переходов государственных крестьян в купцы и мещане с включением полученных сведений в годовые отчеты.

Можно делать самые различные, порой противоположные выводы по представленным материалам. Некоторые в ходе изложения мы высказали. Верность пословицы «Think globally act locally» тоже, кажется, в очередной раз подтверждается. Глобальное мышление местной администрации, в любом случае, не просто имеет право на существование, оно, с одной стороны, позволяет преодолевать местечковость, с другой, дает пищу для размышления верховной власти. И шире: а разве что-либо изменилось с тех времен?

А.В. Порохова ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В РОССИИ 2000-х ГГ.

В статье описывается феномен возникновения нового социального искусства в России начала XXI века с точки зрения смещения культурологических парадигм, наблюдаемом на рубеже веков. Гражданские мотивы в литературе и искусстве нового века формируются под знаком отказа от эстетических установок постмодернизма в пользу некой новой, пока ещё не достаточно описанной в науке иной художественной модели, характеризующей культурную ситуацию нулевых – десятых годов XXI века. Социальная направленность является одной из ярких черт этой новой культурной эпохи.

The article describes the phenomenon of new social art in Russia at the beginning XXI century in terms of cultural paradigms shift, observed at the turn of the century. Civil motifs in art and literature of the new century, formed under the sign of rejection of the aesthetic units of post-modernism in favor of some new, not yet sufficiently described in the science of art a model that characterizes the cultural environment of zero – teens XXI century. The social orientation is one of the brightest features of this new cultural era.

Ключевые слова: новое социальное искусство, новые гражданские мотивы в искусстве.

Keywords: new social art, new civic motifs in art.

Начало века в российской культурной среде отмечено всплеском особого интереса к социальной проблематике в сферах литературы и искусства. Этот интерес, казалось, совершенно угас в конце прошедшего столетия. Художественная культура 90-х характеризуется гипертрофированным эстетизмом, постмодернистским желанием созидать в замкнутом мире культуры. Обращение к гражданским мотивам маркируется как псевдоэстетическое, как нечто уже не имеющее отношение к сфере искусства, как выход за рамки художественного высказывания. Эта ситуация легко объясняется желанием отринуть скомпрометировавшую себя советскую художественную практику, в которой эстетическое легко подменялось лживой политической риторикой, отмежеваться от традиций советской культуры, в которой гражданские мотивы занимали почётно ведущее место в любых художественных формах. Именно поэтому в 90-е годы социальное маркировалось как заведомо условное, лживое, не стоящее внимания. Творчество поэтов, писателей, художников 90-х черпает вдохновение в истории всех времён и народов, кроме современных исторических реалий.

В нулевые годы XXI века ситуация годов качественно меняется. Появляется огромное количество культурных текстов, в которых главный художественный месседж носит остросоциальный характер. Авторы начинают обращаться к традиционно публицистическим сюжетам, нарочито нелитературным темам и приёмам, апеллируя к злободневности художественного высказывания. После 2000 года появляются тексты, прямо или косвенно посвящённые чеченской кампании, сербским бомбардировкам, терактам в Америке и России. Антидемократические и профашистские тенденции в России нового века также находят своё отражение в новом искусстве. Лирика Елены Фанайловой, Дмитрия Кузьмина, Валерия Нугатова, Фёдора Сваровского, Кирилла Медведева, Кэти Чухров, творчество арт-группы «Война», проза Дмитрия Быкова, поэтическая и акционная

деятельность творческого объединения «Транслит» во главе с Павлом Арсеньевым, обращение к социальной проблематике в современном кинематографе, в частности в творчестве Валерии Гай Германики, Павла Бардина, Карена Шахназарова – это всего лишь малый перечень социально ориентированных деятелей культуры нового десятилетия.

Сам по себе социальный пафос художественного произведения не нов для истории культуры, в частности для истории русского искусства. Как уже было сказано, советская официальная культура была вся пропитана остросоциальным пафосом. Литература и искусство русского реализма XIX века также апеллируют к социальной проблематике. Гражданские мотивы в лирике Пушкина, Лермонтова, Некрасова, творчество Радищева, Грибоедова, Достоевского, Толстого, Гоголя, остросоциальный характер живописи художников-передвижников широко изучены. Можно даже говорить о том, что гражданские мотивы являются фундаментом русской классической культуры XIX века. «Поэт в России больше чем поэт» – эту максиму замечательно проанализировал Ю. М. в работе «Беседы о русской культуре»¹.

В чём же смысл и значение нынешнего всплеска интереса к социальным темам? В чём специфика и новизна этого обращения? Постараемся ответить на это вопрос.

В первую очередь, новые тенденции конечно, обусловлены изменениями в исторической и политической ситуации как в России, так и в мире в целом. Как уже было сказано, поводом к новому осмыслению реальности послужили и события 11 сентября, и сербские бомбардировки, и Беслан, и взрывы в Москве. Ещё сильнее повлияла на «гражданское пробуждение» художественной среды начавшаяся в начале нового века стагнация российского общества, авторитарные тенденции в управлении страной, расслоение общества богатых и бедных.

Именно поэтому появившееся в 2000-х новое социальное искусство подчеркнуто оппозиционно правительству, маргинально и критично. Хотя критический характер подобного рода искусства также не является чем-то новаторским для истории русской культуры. Ещё Лермонтов писал:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: "Искусство-СПБ", 1994. 670 с.

Лермонтовскому стихотворению вторит текст молодого поэта Елены Фанайловой. В цикле «Балтийский дневник» она пишет:

Нация, ты, стыдно сказать, деточка,
Совсем себя потеряла.
Уж и московские мелкие служащие
Вынуждены просить убежища
Не в мире труда и капитала,
А в мире каких-то мёртвых чужих паяцев.
Нация за меня отдаёт честь,
Ездит в метро и на маршрутках,
Ходит в театры и на мюзиклы,
Её взрывают и травят газом,
Каждый день берут в заложники,
А она как будто не чувствует.

Современный поэт также остро и критично смотрит на собственное отечество. Но есть существенное отличие в характере социального высказывания современных поэтов о поэтов XIX или даже XX века. Если Лермонтов является «гласом поколения»: «Богаты *мы*, едва из колыбели, /Ошибками отцов и поздним их умом, /И жизнь уж *нас* томит, как ровный путь без цели, /Как пир на празднике чужом», то новый поэт отвечает лишь сам за себя. В отличие от традиции классической русской литературы новая гражданская лирика в большей степени субъективна, приватна.

Мы – ключевое слово многих классических остросоциальных текстов, то же самое можно наблюдать в советской гражданской лирике. Социальное искусство советского периода было маркировано как высказывание коллективное. Оно представляло собой некое групповое высказывание, обращенное к такому же групповому сознанию. *Мы* – ключевое слово гражданской лирики советского периода. Теперь же история стала частным делом. Человек стал ощущать историю как частное пространство, чего не было в 90-е годы. Как пронцательно отметила критик Мария Майофис «Важнейшая характеристика современного поэтического высказывания – его антириторическая направленность»².

Можно говорить о том, что новые гражданские мотивы пришли как расширение приватного пространства художника, который «не замечал» социальных катаклизмов до тех пор, пока они его не коснулись. В каком-то смысле взрывы в современном мире взорвали и ту пелену, которая отделяла сферу художест-

² Майофис М. Не ослабевайте упражняться в милосердии: Заметки о политической субъективности в современной русской поэзии // НЛО. 2003. № 62. С. 324.

венного и повседневного в сознании художника. Социальное, гражданское, политическое неожиданно ворвалось в сферу эстетического, но с позиций индивидуального взгляда на мир.

Именно поэтому можно говорить о том, что не только исторические причины повлияли на формирование «социального» интереса в искусстве. Не менее важны причины культурологического характера. Интересно отметить особый интерес к коммунистическим проектам прошлого и настоящего в среде молодых поэтов и художников. Так творческое объединение «Транслит» и его основные представители Павел Арсеньев, Кэти Чухров, Роман Осминкин, Кирилл Медведев в своих художественных манифестах во многом опираются и на коммунистические заявления. В качестве примера приведём манифест Кэти Чухров «Передвижной театр коммуниста».

Кэти Чухров пишет: «Когда я говорю коммунистический, то конечно имею в виду не принадлежность к партии, а мировоззрение. Именно это мировоззренческая широта, превышающая границы одного государства, нации, класса, художественной школы, частные или даже духовные интересы конкретного индивида, предполагает потенциальность коммунистического в художественной работе. Недавно ко мне пришло ясное понимание того, что искусство не может не быть коммунистическим. Это вовсе не проявление идеологии, как кажется некоторым. Это также не догмат. Просто вдруг стало очевидным, что все искусство – от Древней Греции до сегодняшнего дня – то искусство, которое преодолело в себе эгоизм и самомнение – содержит в себе потенциальность коммунистического»³.

Мы можем видеть, что *коммунистическое* в данном контексте – это *идеалистическое*. Коммунизм в данном проекте есть категория в первую очередь эстетическая. Получается, что «новая социальность» выходит за рамки политического дискурса, гражданского искусства и восходит к мировоззренческим корням.

Эту мысль подтверждают и тексты Кирилла Медведева. С одной стороны, важной причиной обращения поэта к политическому высказыванию является желание очистить социальные реалии от лживой риторики политических лидеров. Он пишет: «Больше всего меня интересует, можно ли говорить живым человеческим языком об этих террористических актах и тому подобных вещах. Можно ли говорить и писать о таких вещах без всех этих газетных накрутов, лжи, информационной спекуляции, базарного кликушества? (А можно ли говорить о том, что на какое-то время перевесило для тебя *всё остальное*, без лжи, спекуля-

³ <http://www.may-congress.ru/member10.html>

ции и дурного базарного кликушества?)⁴. Но исторические реалии – это ещё не все. В тексте «Говорить всё» он пишет: «То, что я делаю, – это болезненный, чудовищный выверт в сторону живой речи, ещё один опыт тотально неутопического мировоззрения, попытка ощутить кристальную, беспримесную *реальность*, *ощутить*, допустим, воздух как воздух, стол как стол, лес как лес и тому подобное, войти в физический, вещный мир, ничего не оставив за его пределами. (Я думаю, только так и можно сохранить душу)»⁵.

Можно спорить о том, что оказало более сильное влияние – исторические или культурологические причины. Трагизм новейшей истории, безусловно, заставил поэтов и художников переосмыслить своё отношение к социальной реальности. Но именно это осмысление повлияло и на пересмотр категории *реального* в эстетическом плане.

В культурологии до сих пор нет термина, который бы мог обозначить период, пришедший на смену ушедшему постмодернизму. Но некоторые отчётливо проявляющиеся в современном искусстве черты этого нового периода уже можно описать. Многие исследователи, занимающиеся этой проблемой, отмечают возникновение особого *реализма* в современном искусстве. «Я думаю, реальность – это самая запредельная, самая непостижимая, и самая кристальная, беспримесная категория», – пишет Кирилл Медведев. В этих словах, на наш взгляд, следует искать ключ к объяснению появления социального искусства в России начала XXI столетия.

Получается, что обращение к социальным реалиям явилось в каком-то смысле лишь предпосылкой к решению новых художественных задач. Исторические реалии подтолкнули художественный процесс, не поглотив его, но растворившись в нём. Не должны вводить в заблуждение активные гражданские заявления поэтов. Любой художественный манифест, какими бы гражданскими мотивами он ни был окрашен, по своей сути остаётся художественным проектом.

В завершение статьи хочется сказать несколько слов и о художественной ситуации в Удмуртии. Нужно отметить, что современная поэзия и проза Удмуртии пока ещё слабо реагируют на общественные реалии, чего нельзя сказать о современном искусстве. За текущий год было проведено несколько акций и арт-проектов остросоциальной направленности. За 2010 год группа молодых активистов устраивала многочисленные перформансы в защиту природы Байкала, Ут-

⁴ Медведев К. Текст, посвящённый трагическим событиям 11 сентября в Нью-Йорке // <http://www.vavilon.ru/texts/medvedev2-2.html>

⁵ Медведев К. Вторжение // Авторник: Альманах литературного клуба. Сезон 2001/2002 гг. Вып.8. М.: АРГО-РИСК; Тверь: КОЛОННА, 2002. 160 с.

риша, в защиту истребляемых животных. Это были именно художественные проекты по своей сути. В январе 2011 года арт-группа «Колесо» осуществила проект «Если у вас нету дома», посвящённый проблеме расслоения общества, привлёкший внимание достаточно благополучной и социально устроенной молодёжи Ижевска к жизни нищих, бомжей, всех, кто в силу разных обстоятельств лишён места в обществе. Была проведена передвижная фотовыставка, в которой приняли участие как ижевские, так и питерские художники. Немаловажным в проекте являлся и его передвижной характер, апеллирующий к художникам-передвижникам XIX века. Авторы представили фотопортреты новых российских «униженных и оскорблённых». Выставка стала продолжением проекта «Еда вместо бомб», который уже прошёл в некоторых российских городах. Суть проекта в том, что помимо традиционной художественной деятельности (чтение стихов на улицах Петербурга, концерты, выставки) его участники раздают еду, одежду и лекарства всем нуждающимся.

Новым в этой ситуации, повторим, является заявление социального проекта в среде, ранее чуждающейся подобных тем и сюжетов. Ещё в начале 2000-х невозможно было представить в арт-среде подобный интерес.

Н.В. Пислегин канд. ист. наук, зав. каф. гуманитарных дисциплин
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В УДМУРТИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.¹

Освещаются некоторые особенности крестьянской общины Удмуртии дореформенной эпохи, ее основные функции, специфика взаимоотношений между рядовыми общинниками и представителями местного самоуправления, органами государственной власти, людьми, порвавшими со своей крестьянской сущностью.

The article comes to view some peculiarities of peasant community in Udmurtia before the Great reforms. The main attention in the research is paid to the functions of peasant community and the specific character of relations within this society and outside it.

¹ Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой».

Ключевые слова: крестьянская община, «общество», «мир», Удмуртия, общество (социум), волость, приказ, уезд, повседневная жизнь, выживание, помощь (взаимопомощь), семья, внутренний порядок, круговая порука, землепользование, переселение, моление.

Keywords: search traffic, subculture.

Долгие столетия, вплоть до XX в., Россия была аграрной страной. Главным занятием большинства народов, ее населяющих, во все времена было земледелие. Даже в наши дни, когда, кажется, пахарь не выступает главной экономической фигурой, а сельское хозяйство (как минимум, нечерноземное, удмуртское) находится в затяжном кризисе, их роль, хотя бы на словах, признается. Одним из главных мерил достатка у нас в стране выступала и выступает земля. Правда, достаток этот подавляющую часть нашей истории не был частной собственностью. И в рассматриваемое время в абсолютном большинстве случаев сельские жители России и удмуртской ее части выступали лишь держателями земли, собственником которой являлись казна, удел, завод, помещик и т.д.

Первая треть XIX в. (1804-1835 гг.) прошла в Вятской губернии (составной частью которой были четыре «удмуртских» уезда) под знаком проводимого генерального межевания. Государство, наконец, решилось на «масштабное мероприятие по точному определению границ земельных владений помещиков, крестьянских общин, заводов, городов, церквей и т.д.»². Отсутствие сведений о собственниках и держателях владений, соотношении земельных площадей по характеру использования (пашня, сенокос, лес, неудобные земли) и даже в целом их общих размерах тормозили развитие земельных отношений еще в предыдущем столетии, и во многом эта важная систематизация запаздывала.

Генеральное межевание было призвано, в частности, решить проблему спорных земель. Накануне его проведения весьма часты приговоры уездных судов «по удержанию просителей от просьб внушить им чрез земский суд, чтоб они ожидали спокойно назначенного именным высочайшим указом, состоявшимся 1804 г. апреля 5 дня в Вятскую губернию, генерального земель размежевания»³. Еще одной задачей мероприятия стало составление экономико-географического описания страны по единой программе – одним из его итогов явились так называемые Экономические примечания, включающие сведения о природно-географических условиях данной местности, составе возделываемых культур, их урожайности, о состоянии животноводства, неземледельческих занятий крестьян.

² Цит. по: Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.266.

³ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.43, л.80-80об.

Основной тенденцией для Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. был постоянный рост ее населения, сопровождавшийся уменьшением земельных наделов. Генеральное межевание усугубило ситуацию, жестко ограничив крестьянское землевладение и землепользование, исходя из 15 дес. на душу мужского пола⁴. По Глазовскому, Сарапульскому, Елабужскому и Малмыжскому уездам в ходе межевания было отрезано более 2,2 млн. дес., преимущественно лесов, однако немало присутствовало и других угодий. Вятский губернатор А.А. Корнилов в 1837 г. отмечал, что эта важнейшая процедура не была закончена и зачастую проведена «с невероятной несправедливостью, стеснением для крестьян и небрежностью». В доказательство он приводит случай с одной из волостей Малмыжского уезда, в которой генеральный землемер отметил 23.013 дес. сенокоса, а в ходе проверки обнаружилось только 235 дес., «и то никуда негодной земли». Подобную же ошибку, но уже в сторону увеличения, обнаружил в 1819 г. уездный землемер Ладыгин в наделении крестьян д. Качкашурской «с деревнями и починками» Омутницкой волости Глазовского уезда. Он отмечал, что «некоторые линии в мере ромбах... против плана несообразны и, особенно в мере, в иных и на тысячу сажень». Кроме того, «по беспорядкам и злоупотреблениям», допущенным при генеральном межевании, а также при отводе земель сановникам по так называемым всемиловейшим пожалованиям «во многих местах были отрезаны у крестьян лучшие поля, сенокосы, огуменники и огороды». Сами всемиловейшие пожалования стали возможны именно по итогам межевания. До 1820 г. казенная палата, несмотря на запретительный указ от 26 октября 1815 г., зачастую отводила земли небольшими участками площадью иногда даже меньше десятины «по одному указанию лиц, которым предоставлено было право избрания земли». Таким образом было отведено Ф.И. Энгелю 9000 дес. в 160 местах, П.И. Коновницину 3000 дес. в 67 местах, Ф.И. Фон-Братке 3000 дес. в 132 местах, Ф.А. Викторову 1500 дес. в 175 местах, К.Ф. Модераху 2000 дес. в 131 месте и некому полковнику Пейкеру 1229 дес. в 130 местах. В дальнейшем чаще всего оказывалось, что сановники перепродали подаренные им угодья местным купцам, чиновникам, зажиточным крестьянам, в южных уездах – и помещикам. Лица, которым были пожалованы земли, через доверенных людей составляли регистр избранных участков, стараясь выбрать лучшие. Эти места обходились «генеральною межой с постановлением межевых столбов» отдельно и составляли особые дачи. Неудивителен в свете вышесказанного тот факт, что пожалованные участки весьма часто представляли собой сенокосы, в которых крестьяне особен-

⁴ Значительно в более лучшем положении оказались тепляри, которым полагалось по 30 дес. на 1 ревизскую душу.

но нуждались и которых обычно было намного меньше, чем пашни. После 1820 г. такая практика была прекращена, а после 1838 г. на территории Удмуртии всемирно-лучшие пожалования практиковались только в Глазовском уезде. Крупнейшим пожалованием этого периода стала передача в начале 1850-х гг. 2000 дес. из Верховятской дачи Глазовского уезда генерал-лейтенанту Фон дер-Бригену. Эти земли вскоре перешли к секретарю Вятской духовной консистории титулярному советнику Неаронову⁵.

Факт отнятия «лишней» земли с последующими ее дарением и продажей крестьяне принимали далеко не всегда покорно. Так, в 1825 г. крестьяне Валамазской волости Глазовского уезда Харитон и Никита Чернышевы жаловались на жителей поч. Новоселовского Юберевской волости, которые, «не веря, что мы (Чернышевы – Н.П.) означенную землю действительно купили, и не понимая (подчеркнуто мной – Н.П.), что оные продаются», «вступились» в пользование 10 дес. пашенной и сенокосной земли, которую Чернышевы приобрели у Фон-Братке при посредничестве губернского форштмейстера еще в 1815 г.⁶ Комментарии излишни.

В целом генеральным межеванием по стране руководил Межевой департамент Сената, находившийся в Санкт-Петербурге, оперативное руководство было возложено на межевую канцелярию (г. Москва), подчиненную Межевому департаменту. Основная тяжесть полевых работ была возложена на межевые конторы, расположенные в губерниях. Последние ежегодно направляли в уезды для межевания землемерные команды. Управление межевой конторой осуществляло присутствие из трех членов и прокурора. Им подчинялся штат канцеляристов и землемерных специалистов. В компетенцию межевых контор, наряду с организацией и наблюдением за полевыми работами, входили и другие обязанности. Так, чиновники были обязаны сочинять, проверять, выдавать владельцам земельных дач планы и межевые книги. При этом за межевую документацию с населения дач следовало взыскивать пошлины. Механизм взыскания выглядел следующим образом: Вятская межевая контора, составив планы дач, отправляла их копии и межевые книги в уездные суды, которые, в свою очередь, выдавали их владельцам дач с распиской в получении, взамен собрав деньги «за употребленную на списывание с межевой книги копии вместо гербовой простую бумагу» (например, 2 руб. ассигнациями за 126 листов или даже 134 руб. за 67 листов) и по 3 коп. с обмежеванной десятины. Ближе к завершению генерального межевания размер

⁵ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.420-421, 445; Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.266; РГАДА, ф.1306, оп.2, д.762, л.1, 209; ф.1354, оп.99, д.я-1 синяя, л.5об.-8об.; оп.103, ч.1, л.5об., 9, 28; ГАКО, ф.583, оп.603, д.22, л.12, 67.

⁶ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.658, л.1-1об.

последней пошлыны вырос до 6 коп. Данные сборы проводились и после 1835 г. От общин в этом действе участвовали выборные⁷.

Дачей называлась условная территориальная единица, охватывающая один или несколько десятков населенных пунктов. Принцип создания конкретной дачи на территории края обычно ограничивался волостью государственных крестьян, приказом крестьян удельных, дворянским поместьем, казенным или частным заводом⁸. На каждое из этих владений составлялись планы и карты, которые затем сводились в поуездные карты, планы и атласы⁹. Основные черновые работы при проведении межеваний ложились на плечи крестьян. Они же должны были следить за сохранностью межевых признаков, а также выполнять под приглядом землемеров их восстановление. В последнем случае работа могла значительно усложниться, поскольку при проведении межеваний далеко не всегда учитывался местный рельеф и могущие произойти с ним изменения, а в итоге восстанавливать границы приходилось, например, по болоту¹⁰.

Официально по итогам генерального межевания в Вятской губернии было выделено 2930 дач, в которых заключалось 13.209.248 дес. земли, в общем и чересполосном владении осталось 152 дачи (687.804 дес.)¹¹. Крестьянские земли были в основном обмежеваны в общие дачи по волостям и приказам, а иногда и по более значительным территориям. Однако, по-видимому, генеральные землемеры могли и учитывать интересы крестьянской общины. Так, в 1809 г. в одну дачу были обмежеваны починки Ягошурский, Кулаковский, Верх-Парзинский и Усть-Азегваевский Омутницкой и Чуринской волостей Глазовского уезда «с принадлежащими к сим всеми землями, которые владения состоят их вотяков новокрещен»¹².

В целом из более чем 16 тысяч селений государственных крестьян Вятской губернии отдельно было обмежевано не более 423, многие «общие дачи» включали от 50 до 200, 300 и более сел, деревень и починков¹³. В результате некоторые дачи даже оказывались в разных уездах. Так, например, земли Нылги-

⁷ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.49, л.16; д.129, л.1, 2, 9; д.170, л.3, 5, 8.

⁸ Акманов А.И. Проведение Генерального межевания на Южном Урале (1798-1842 гг.). // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 6. С.64-65; ГАКО, ф.582, оп.81, д.1355, л.10.

⁹ Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.266.

¹⁰ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.714, л.1-2, 14-1525об.-26.

¹¹ Ермаков Н.А. О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. М., 1854. С.60-61.

¹² РГАДА, ф.1354, оп.99, д.я-1 син., л.1-5.

¹³ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.421.

Жикьинской дачи в конечном счете расположились в Сарапульском и Малмыжском уездах¹⁴.

Земельные угодья на территории Удмуртии первой половины XIX в. по характеру землепользования можно разделить на следующие группы: 1) полнотяглые и льготно-оброчные угодья деревни (усадебные земли, пашня, сенокосы, леса, неудобные земли); 2) льготно-оброчные и покупные угодья за отдельными лицами и пустующие земли и 3) земли казенных ведомств¹⁵. Из перечисленного только владение землями первой группы определяло основные платежи и повинности крестьян, и оно являлось доминирующим. Отсюда в абсолютном большинстве случаев крестьяне являлись не землевладельцами, а землепользователями. Вместе с тем, генеральное межевание и следующие за ним все милостивейшие пожалования в целом способствовало развитию частного землевладения, в том числе и крестьянского. По данным Н.Н. Латышева, в 1869 г. в одном Глазовском уезде земель частного владения числилось 100.186 дес., из них 95.276 дес. под лесом, не считая земель железоделательных заводов. Большая часть из них не принадлежала крестьянам, но эти угодья часто становились объектом аренды, прежде всего крестьянской. Достаточно широко земельные операции (прежде всего аренда пашни и лугов на длительные, от 30 лет, сроки) были распространены среди непрременных работников¹⁶. Нами также зафиксированы случаи покупки крестьянами земель. Так, в 1818 г. удельный крестьянин Нечкинского приказа поч. Пермякова Игнатий Вахрин приобрел у Ф.И. Фон-Братке в 4 местах 35 дес. 195 саж. удобной и неудобной земли, находящейся близ деревень Чепца и Нижняя Пихта Большепургинской волости Сарапульского уезда, за 1500 руб. ассигнациями. Помимо этого он купил еще ряд участков у того же Ф.И. Фон-Братке, а также у полковника Пейкера. Эти земли были формально утверждены за Департаментом уделов, но то, что на них И.И. Вахрин сам заключил купчие крепости, а в 1849 г. посредством «отказного листа» передал во владение своим сыновьям, свидетельствует о частной собственности¹⁷.

Значительнейшую часть территории Удмуртии составляли леса. Крупнейшим их владельцем всегда было государство. В первой половине XIX в. и ранее огромные массивы леса были выделены в казенные лесные дачи. Генеральное

¹⁴ РГАДА, ф.1306, оп.2, д.872, л.4об.-5, 10об., 13об.; д.873, л.3-4, 51, 118, 249 об.; ГАКО, ф.575, оп.8, д.5, л.2-4об., 6об., 69-69об., 111-111об.

¹⁵ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С.177-178.

¹⁶ Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939. С.18, 19, 103, 111-112.

¹⁷ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.770, л.3об., 24об.-25об.

межевание в первую очередь определяло в качестве казенных, в том числе внутри волостей, именно лесные угодья. В крае в них было сосредоточено 2.784.559,4 дес. (около 43,6 % губернских). В корабельных рощах, которые были отграничены еще в петровское время, числилось 33.493,5 дес. Во время генерального межевания имелись случаи, что землемеры по ошибке присоединяли их к волостям государственных крестьян, последнее преследовалось¹⁸. 114.445,2 дес. лесных угодий было отмежевано к строящимся заводам. К ним, как правило, приграничивались лесные дачи из расчета потребности на «заводское действие» с перспективой на 100 лет. К 1824 г. при Ижевском заводе числилось 161.394 дес. земель, планировалось присоединить еще 624.395,2 дес., преимущественно леса. Воткинский завод располагал 471.575 дес., однако в 1851 г. обнаружилась нехватка леса (завод вырубал ежегодно свыше 3300 дес.) и к нему было присоединено еще 90 тыс. дес. Ижевский завод к 1858 г. фактически располагал 305.460 дес. леса. Существенную площадь занимали и леса, отданные в пользование крестьянским общинам, – более 500 тыс. дес. в конце 30-х гг. XIX в.¹⁹ Значительные земельные угодья находились под оброчными, по преимуществу лесными статьями²⁰.

Во многом для ликвидации негативных последствий генерального межевания по указу от 8 января 1836 г. во всех тех губерниях, где оно было произведено, «для устранения вреда, происходящего от необмежеванности чересполосных земель, от неопределенности прав общего владения и выездов или частных прав на владение постороннее», проводилось полюбовное (или специальное) межевание. 17 августа 1836 г. в г. Вятке был открыт особый комитет для сбора сведений о землях общего и чересполосного владения по губернии и составления проекта специального межевания. Комитет возглавлял совестной судья, в его состав входили вице-губернатор, губернский прокурор, советник гражданской палаты, губернский землемер, управляющий удельной конторой и уездный судья губернского города. Этим же составом с вводом управляющего палатой государственных имуществ в последующем была представлена посредническая комиссия по полюбовному межеванию, которое началось в 1841 г. Данное межевание должны были проводить уездные землемеры, размежевание удельных и казенных земель осуществлялось землемерами палаты государственных имуществ и удельной конторы, на территории Удмуртии оно производилось во всех уездах, кроме Глазовского. В основном его итогом стало «полюбовное» разграничение ранее об-

¹⁸ РГАДА, ф.1306, оп.2, д.855, л.5.

¹⁹ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.946, л.1.

²⁰ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.146; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.433.

щих и чересполосных владений непременных работников, государственных и удельных крестьян²¹. Землемеры по прибытии в уезд были должны приступить к размежеванию «по первому требованию владельцев», имеющих общие чересполосные дачи. В случае невозможности разделить землю из-за несогласия владельцев, разрешение конфликта ложилось на плечи уездных судей. К 1856 г. полюбовное межевание в основном завершилось, поэтому Вятская посредническая комиссия была упразднена, а ее функции по специальному межеванию земель приняты «для дальнейшего производства» Вятским губернским правлением²².

Задачи специального межевания, как и генерального, также не были решены. Весьма частым заключением посреднической комиссии была лишь констатация существующего порядка владения землей. Так, относительно разграничения государственных крестьян и непременных работников Ижевского завода в ноябре 1854 г. комиссия постановила оставить чересполосицу в их владениях «впредь до усмотрения уральского горного начальства»²³.

По-видимому, наиболее распространенным внутри крестьянской общины было деление земельных участков по числу ревизских душ. Логика таких действий очевидна: необходимость выплачивать подати, размер которых зависел от числа ревизских душ, должна была подкрепляться материальным достатком семьи, он же определялся в первую очередь числом рабочих рук в ней и наличием земли. По-иному могли складываться взаимоотношения между общинами, чьи земли находились внутри одной дачи. Например, крестьяне починков Шишевского и Тюлькинского Святицкой волости Глазовского уезда с «древнего» времени вели друг с другом «затруднительную и кляузную тяжбу» о земле, но в 1822 г. они при посредничестве земского исправника договорились разделить ее поровну, «а не по числу ревизских душ», и в последующем больше не соперничать в отношении спорного участка, о чем и было подано мировое прошение в уездный суд. И это при том, что у жителей поч. Тюлькинское земли было больше²⁴.

К концу рассматриваемого периода в ряде общин земельный голод достигает такого накала, что выливается в открытое противостояние крестьян. Например, в течение 1850-х гг. у жителей д. Погудинской Мухинской волости тле

²¹ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.539, л.33-33об., 44-47, 61-62, 124-124об.; д.576, л.109-110; д.755, л.1, 18-18об.; ГАКО, ф.575, оп.9, д.4, л.1-2об., 3-3об., 33об., 38-39, 190-191об., 243-244об.; д.17, л.2-6, 42, 76об.; ф.583, оп.603, д.1031, л.7-8об.

²² Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.425-426; Ермаков Н.А. Указ. соч. С.209; ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.539, л.1-1об., 226.

²³ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.539, л.33-33об.

²⁴ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.651, л.45, 97.

конфликт по поводу спорной земли с крестьянами из поч. Усынинского Леденцовской волости (Глазовский уезд). Межевые чиновники не смогли удовлетворить первых из них, поэтому в 1862 г. произошло открытое противостояние. По показаниям стороннего свидетеля, государственного крестьянина поч. Петрушевского Степана Копосова, погудинские стали прогонять с земли усынинских, а когда последние «начали оспаривать, тогда селенный староста приказал своим соседям брать дубины и гнать их»²⁵.

Признаком нехватки земли или несогласия с существующими границами земельных участков могут также служить достаточно многочисленные случаи перепашки межей, нарушения и уничтожения межевых признаков и т.п. Еще более многочисленны случаи незаконных вырубок казенного и общинного леса, проводимых в том числе и с целью вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых пашенных площадей. Наказания (розги, штраф, заключение под стражу) за такие действия в случае обнаружения виновных следовали незамедлительно²⁶.

Ликвидировать недостаток тех или иных угодий за отдельную плату, по замыслу власти, должны были так называемые оброчные статьи. Оброчные статьи могли принадлежать казне и в таком случае контролировались хозяйственным и лесным отделениями казенной палаты (с конца 1830-х гг. – палаты государственных имуществ), а также уделу и крестьянским общинам. Значительная часть принадлежащих государству пашенных и покосных оброчных статей возникла в результате генерального межевания, когда земли крестьян сверх 15-десятичной нормы были отобраны в казну или с последующими их пожалованиями высшим сановникам, или превращением в оброчные статьи²⁷. Во второй трети XIX в. по губернии совокупная площадь сдаваемых казенных земель приближалась к 21 тыс. дес.²⁸

Властные структуры всех уровней уделяли внимание проблеме обеспеченности крестьян землей. Внутри Вятской губернии практиковались следующие способы преодоления земельного голода: 1) прирезка земли от многоземельных крестьянских дач к малоземельным в рамках одной волости; 2) переселение нуждающихся крестьян в многоземельные общества в рамках губернии; 3) переселение «на пустопорожние места или выгорелые лесные пространства» и, наконец, 4) передача малоземельным обществам участков «мелкорастущего» ка-

²⁵ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.735, л.8, 9, 30, 35.

²⁶ См., например: ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.538, л.1-2, 9-9об., 11об.-12; д.709, л.3-3об., 8, 44; ф.126, оп.1, д.738, л.1-1об., 6-7об.

²⁷ См., например: ГАКО, ф.575, оп.24, д.5, л.50-53об.; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.214.

²⁸ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.433.

зенного леса²⁹. Предпринимались также санкционированные переселения крестьян на свободные земли Оренбургской губернии, а с 40-х гг. – в Сибирь.

Даже в случае самовольных крестьянских переселений местные власти зачастую не давали «к обратному их выселению... в видимое их разорения согласия»³⁰.

Пожалуй, все же более действенным методом преодоления земельного голода было наделение крестьян дополнительными участками из смежных казенных или удельных, по преимуществу лесных дач. В государственной деревне такие мероприятия начали проводиться с конца 1840-х гг. по результатам очередных ревизий, начиная с седьмой, для тех сельских обществ, у которых средний надел составлял менее 5 десятин на ревизскую душу, если имелись свободные государственные земли, смежные с ними³¹. При проведении генерального межевания старались, чтобы такие смежные земли, по возможности, были в наличии. Крестьянам к их участкам бесплатно прибавлялась земля до уровня в 8 дес. на ревизскую душу, при их готовности заплатить 9 коп. серебром за десятину так называемой добавочной подати их наделы могли быть доведены до 15-десятинной нормы. Данная сумма явилась «среднесложной ценой, выведенной из дохода, получаемого с казенных оброчных статей хозяйственного ведомства». На общинном сходе полагалось утвердить согласие крестьян на эти условия³².

В 1850 г. в Сарапульском уезде в 13 сельских обществах государственных крестьян, где по 8 ревизии числилось 16.451 душа и состояло 135.552 дес. 2119 саж. земли, таким способом были совершены нарезки в размере 101.743 дес. 1255 саж., на будущее при них был оставлен «запас» в размере 44.312 дес. 1459 саж. В Елабужском уезде в 15 сельских обществах по 8 ревизии числилось 20.219 душ, в их пользовании состояло 155.394 дес. 1256 саж., к этому добавлялось 80.295 дес. 1523 саж. для непосредственного пользования и в запас – 21.570 дес. 2079 саж. В Малмыжском уезде прирезки были сделаны в 23 сельских обществах (33.754 души, 224.872 дес. 25 саж. земли) в размере 256.318 дес. 137 саж., в резерве при этом было оставлено 100.814 дес. 2037 саж.³³

Однако далеко не всегда имелась возможность наделения недостающей землей из близлежащих казенных дач. По состоянию на 1856 г. из 423 сельских

²⁹ РГИА, ф.383, оп.2, д.1227, л.119-119об.

³⁰ ГАКО, ф.582, оп.6, д.10, л.18об.

³¹ См., например: ВГВ. 1844. №21. С.94-95; РГИА, ф.383, оп.20, д.26987, л.1; ГАКО, ф.575, оп.33, д.1258, л.1-3.

³² ГАКО, ф.575, оп.19, д.7, л.25-26об.

³³ РГИА, ф.398, оп.1, д.4371, л.15, 45, 62, 76об., 77об.-78, 79, 80об., 82, 125, 152, 206, 228.

обществ Вятской губернии крестьяне 186 обществ решить проблему малоземелья могли только посредством переселения, в их числе были 4 общества Глазовского уезда (с наделами в среднем около 7 дес. на ревизскую душу), 10 – Малмыжского (от 4 до 9 дес.), 4 – Елабужского (в среднем 5 дес.) и 10 – Сарапульского (от 2,5 до почти 14 дес.) общей численностью около 49 тыс. душ по IX ревизии. Ближайшие свободные дачи располагались на расстоянии 25 верст от малоземельных обществ, зачастую же возможность получения «поблизости свободной земли» вообще отсутствовала³⁴.

Результаты действий по наделению землей были не очень значительны: средний душевой надел государственных крестьян в Удмуртии в 1850 г. составлял 7,02 дес. в Малмыжском уезде, около 7,5 – в Елабужском, около 8 – в Сарапульском и до 13,2 дес. – в Глазовском, и позже он вырос весьма незначительно³⁵. Тем не менее эти размеры являлись одними из самых крупных по Вятской губернии.

По предписанию I департамента Министерства государственных имуществ от 7 декабря 1857 г. Вятской палате государственных имуществ было предписано составить очередной список населенных пунктов губернии, нуждающихся в отселении «лишних» душ на «отдаленные» земли в основном своих же обществ*. К маю 1858 г. в данный список вошли 162 селения Вятской губернии, в числе которых было и значительное число из Малмыжского, Глазовского и Сарапульского уездов. Следует отметить, что окружные начальники, на которых и легло исполнение этой обязанности, ее «в основном не исполнили» из-за обширности губернии и множества (более 700 тыс. м.п.д.) государственных крестьян. В дальнейшем, когда было нужно выбрать место, составить план новому селению, отобрать одобрительные приговоры от переселенцев и остающихся на старом месте, потом представить министерству «предположения по каждому селению», дело еще больше затормозилось и, по-видимому, так и не было завершено. Причиной была не только нерасторопность местного управления крестьянами, но и отсутствие свободной земли³⁶.

Удмуртские удельные крестьяне по состоянию на 1852 г. имели следующие среднедушевые земельные наделы: Сарапульский уезд – 3,78 дес., Елабужский

³⁴ РГИА, ф.383, оп.19, д.24998, л.1об., 8, 19, 20, 28об.

³⁵ Гришкина М.В. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Екатеринбург, 1995. С.28; РГИА, ф.398, оп.1, д.4371, л.79.

* По-другому данное мероприятие в I департаменте называли «переселением крестьян на край своих полей», и в таком виде оно напоминает столыпинские хутора и отруба с существенной оговоркой, что о выделении из общины речь никоим образом не заходила.

³⁶ РГИА, ф.383, оп.21, д.29783, л.1-1об.8-9, 39-39об.

уезд – 2,44 дес., Малмыжский уезд – 1,60 дес. Среднедушевой надел удельных крестьян в целом по Удмуртии составлял 3,57 дес., несколько превышая таким образом губернский уровень (3,22 дес.)³⁷. Вместе с тем качество этих земель в общей сложности было более высоким, чем, например, у государственных крестьян.

В 1859 г. поземельный надел помещичьих крестьян и дворовых был равен в Малмыжском уезде 3,4 дес., в Елабужском – 3,17 дес., в Сарапульском – 2,9 дес., в среднем по Удмуртии – 3,2 дес., т.е. значительно ниже, чем у других категорий, особенно государственных крестьян³⁸.

Наделы неприменных работников уступали только государственным крестьянам. Так, в 1841 г. земли на душу мужского пола неприменных работников Ижевского завода, правда, вместе с общими с крестьянами других ведомств и мастеровыми, а также общественной запашкой (все они составляли около 12 %) приходилось около 6,4 дес., а в 1861 г. – 6,25 дес. (доля неразмежеванной земли и общественной запашки уменьшилась до 7,4 %)³⁹. Обеспеченность неприменных работников сенокосными угодьями была, пожалуй, наилучшей по сравнению с другими крестьянскими категориями.

Несмотря на ряд довольно значительных преобразований в земельной сфере, направленных на систематизацию и внесение определенности, четких границ в крестьянских земельных держаниях, в целом нельзя говорить об их успешности. Проблема малоземелья стояла пусть и не так остро, однако она все в большей степени начинала проявляться как вследствие естественного прироста населения, так и масштабного переселенческого процесса. Более удачной оказалась фискальная сторона мероприятий: и генеральное, и специальные (полюбовные) размежевания, и прирезки к крестьянским землям, в конечном счете, обогащали земельных собственников, крупнейшим из которых было государство. Немалые доходы официально и посредством коррупции извлекли также некоторые представители административно-управленческого аппарата и лица, тесно с ними связанные. Вместе с тем нельзя не отметить всю глобальность и необходимость проведенных реформ в земельной сфере, а также довольно частые проявления действительной заботы органов власти о подведомственных им крестьянах.

Необходимо отметить еще одно последствие государственных преобразований в земельной сфере, которое повлияло на характер крестьянского землепользования. На первую половину XIX в. приходится начало формирования пе-

³⁷ Подсчитано по: Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.119.

³⁸ Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.562.

³⁹ Подсчитано по: НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.9, л.313.

редельных функций общины, развившихся, по этнографическим данным, в пореформенную эпоху⁴⁰. Периодические переделы земли были вызваны ее нехваткой. Недостаток обусловили не только естественный прирост населения и переселения русских крестьян на территорию Удмуртии, но и проведенное государством целенаправленное ограничение своих подданных в праве на пользование ранее никем не занятыми, по преимуществу лесными угодьями. Результатами во многом искусственно созданного земельного голода стали не только кризис трехполья, «лишенного подпитывающих элементов подсеки и перелога»⁴¹, но и резкое увеличение роли общины за счет усиления ее вмешательства в самый важный для крестьян вопрос – земельные отношения.

Р.Н. Касимов канд. ист. наук, доц. каф. СГД ИПК и ПРО УР

ЭЛЕМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ПОИСКОВОГО ОТРЯДА

Освещаются некоторые особенности формирования субкультуры современного поискового отряда. Среди них – традиции передачи «историй об удивительном», методы поиска павших солдат «сердцем», создание «игрового пространства», поиск необычного.

The article comes to view some peculiarities of the formation of subcultures of the modern posse for searching fallen soldiers. Among them – the tradition of the transfer "of stories about the amazing", methods of searching for fallen soldiers with "heart", the creation of "playing area", the search for unusual.

Ключевые слова: поисковое движение, субкультура, фольклор, обряд, мифология, игра.

Keywords: search traffic, subculture, folklore, rite, mythology, acting.

Поисковое движение с момента оформления в конце 80-ых годов XX века создало внутри себя специфическую субкультуру со своей мифологией и историей. Это движение в России принято рассматривать как специфическую форму

⁴⁰ См., например: Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. // Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск, 1997. Т.3. Кн.1. С.65-66, 70, 95, 109-112, 120.

⁴¹ Цит. по: Гришкина М.В. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1995. С.30.

воспитания патриотизма. Кроме того, результаты работы поисковых отрядов – это существенный вклад в изучение истории Великой Отечественной войны. Но и само бытование поисковых отрядов, коллективов людей, объединенных единой идеей, является источником информации для этнологов и культурологов.

Этнология как наука наблюдает сейчас процесс угасания традиционного, классического фольклора. Сегодня на земле остается все меньше регионов, где еще можно услышать исполнение устного эпоса в естественных условиях. Однако это угасание происходит весьма неравномерно. Уходят традиционные жанры (обрядовые песни, сказки, былички), но другие, более приспособленные к современным реалиям, обнаруживают свою состоятельность. Если обратиться к жанрам современного фольклора, то можно увидеть, насколько жизнеспособными оказываются анекдоты, армейские «байки» и другие образцы так называемой «неофольклорной» прозы [Неклюдов, 1998: 6]. Под этим термином исследователи понимают пестрый набор слабо структурированных текстов, доминантой которых является информативная функция, а, значит, и установка на достоверность, будь то семейные предания (например, о подвигах деда-фронтовика) или рассказы, рожденные в коллективах со специфической деятельностью их членов (экспедиции альпинистов, археологов, поисковиков).

Один из самых устойчивых фрагментов современного фольклора – это традиционные по своей структуре краткие рассказы. В них речь идет о невероятных случаях, чудесах, неожиданном знакомстве с мистическими сторонами бытия, встречах с персонажами потустороннего мира. В наше время с такими историями соседствуют сюжеты, ранее для фольклорного репертуара совершенно не характерные: о встречах с НЛО; рассказы о «снежном человеке» и «полтергейсте» и пр.

Отличие этой последней группы «актуальной мифологии» от традиционных быличек незначительно. Разница, прежде всего, в использовании околонатурной терминологии и атрибутики. На самом деле за ними угадываются привычные для этнографа демонологические сюжеты, поразительно стойкие на фоне стремительно меняющейся картины мира современного человека.

Содержание современной этнологии совсем не совпадает с теми обыденными представлениями, которые безосновательно приписываются этой науке. Она не ограничивается интересом лишь к традиционной народной культуре, к экзотическим странам и народам. Этнология на сегодняшний день, кроме ключевых тем (этногенез и этническая история; специфика бытования языка, обрядовой практики и т.д.) изучает современную жизнь этноса, его перспективы на завтрашний день, структуру этнической культуры и каждый элемент этой системы, взаимодействие культур и субкультур.

Основной формой жизненной активности человека является деятельность по творческому преобразованию окружающего мира. Игра в широком смысле – это специфическая форма жизнедеятельности, ассоциирующаяся не с повседневной работой, а с отдыхом, она суммирует в себе реальную активность и особое пространство, где нет настоящей достоверности, а лишь достоверность условная, игровая. В армии таким игровым пространством являются войсковые учения, где условные «противники» делятся на «красных и зеленых», на «северян и южан». Место некоторым условностям, «игровому пространству» найдется и у археологов, и этнографов в экспедиции, у участников строительных отрядов, бойскаутов, у альпинистов и поисковиков.

Человек на протяжении всей своей жизни функционирует среди различного характера стереотипов культуры. Поэтому необходимо помнить, что действия, которые кажутся нам простой игрой, раньше могли быть ритуальными и сакральными. К ним относятся карты, шахматы, игра «в классики» и пр. [Элиаде, 2002: 75]. Архаический по своей сути обряд почитания священного животворящего огня исполняется нами перед Могилой Неизвестного Солдата [Бенуас, 2004: 102].

Используя возможность одного из авторов лично наблюдать с 1999 по 2007 годы особенную культуру поискового отряда, можно отметить сюжеты наиболее распространенных быличек.

В поисковых отрядах, как в среде специфической, сложилась традиция передачи из поколения в поколение «историй об удивительном». Основная идея таких рассказов в диффузном проникновении: появление душ с того света среди людей и путешествия человека (во сне или наяву) в параллельные миры. В первом случае человек является лишь сторонним наблюдателем происходящего. Чаще всего он здесь просто «зритель», следящий за яркими картинками «хрономиража». Во втором случае человек становится активным участником событий, случившихся много лет назад. В этом, вероятно, проявляется «живучесть» мифологического мышления. Для него чрезвычайно важна идея взаимопроникновения «этого» и «иного» миров, даже скорее двойной природы мироустройства всех населяющих его живых существ и, прежде всего, человека. Из этой «двуприродности» миропорядка, включая и бытовую повседневность, и специфику поисковой работы, вытекает возможность внезапной «оборачиваемости» окружающей действительности, проявлений в ней потустороннего.

Наиболее простой пример тому в феномене, который в традиционной мифологии известен как «леший». Многие из поисковиков, попадая в лес и увлекшись работой, теряются в пространственных ощущениях. Складывается впечатление, что человека кто-то или что-то «водит», когда показания компаса одни, а

глаза видят совершенно другое. Заходя в лес в одном месте, ты возвращаешься обратно совершенно в другую точку.

Здесь же в лесу, по рассказам поисковиков, случаются яркие слуховые и зрительные галлюцинации. Перед глазами проплывают картины боя. Человек видит бегущих солдат, наблюдает за тем, где они падают, слышит свист пуль, разрывы снарядов. Все это можно попытаться объяснить лишь нервным напряжением, боязнью городского жителя перед лесом, страхом от места гибели сотен и тысяч людей (согласно традиционным мифологическим представлениям, лес и кладбище – места «пограничные»). Отчасти такое объяснение будет верным, но тогда совершенно необъяснимым остается другой феномен. Человек, переживший такое видение и запомнивший места, где падали умирающие солдаты, с легкостью находит их. В большинстве случаев на указанном месте действительно отыскиваются останки бойцов.

Известны рассказы поисковиков и об общении с душами умерших солдат (небезынтересно в этой связи вспомнить современные фильмы о войне «Мы из будущего» и «Мы из будущего–2»). Обычно в разговорах воины просят отыскать брненное тело, часто сами, указывая направление поиска. Порой такие души приходят молча, ничего не говорят. Но и такие видения рассматриваются как сигнал о возможно близком стихийном захоронении. Не секрет, что специфика поисковой работы в экспедиции, в лесу, не исключает большого процента случайности при поиске тел.

На болотистой местности с вязким грунтом и высоким слоем дерна щупы и металлоискатели практически беспомощны. В таких случаях говорят «ищи сердцем», «иди туда, куда тебя тянет». Зачастую эти методы оказываются наиболее действенными.

Добрый знаком считаются молодые березки, выросшие на месте прошедшего боя. Под ними обычно лежат останки бойцов. Некоторую помощь в поиске способны оказать и «экстрасенсы», люди, умеющие отыскивать воду или проломы и пустоты в земной породе. Рассказывают, что они видят картину боя и точно указывают на места залегания останков.

Дурным знаком среди поисковиков считается брать себе какие-либо личные вещи, найденные рядом с останками. Есть истории, повествующие о том, что души умерших приходят к живым во снах. Они просят вернуть предмет, положить его на место. Подобные рассказы известны поисковикам по всей России. Истории «о человеке, три дня выходявшем из окружения», «о студентах-историках, потревоживших череп немецкого офицера», «про отряд, появляющийся из болота и исчезающий в нем», «про солдата, просившего закурить» и т.п. известны в любом регионе страны. Могут быть изменены лишь детали, дейст-

вующие лица или место происшествия, иными словами, сама суть «неофольклора не меняется», но появляются самобытные локальные варианты. В качестве примера, одного из множества, можно привести рассказ доблестного поисковика Тимура Кутявина, услышанный в 1999 году в Карелии. Он рассказывал, что когда они со своим товарищем отправились ближе к вечеру на старую гать за скобами, то, ступив на ветхие бревна посреди болотины, почувствовали на себе взгляды кого-то, и чем дальше они уходили вглубь леса, тем явственнее было присутствие Другого. Ещё один поисковик говорил, что однажды, оставшись на биваке дежурным, он разводил костер и спиной чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Это не могли быть его товарищи, которые разбрелись по лесу. Обернувшись на мгновение, он увидел фигуру красноармейца. Тот сидел в каске, курил и смотрел на поисковика. Фигура воина казалась черно-белой, подобной выцветшей фотокарточке военной поры. Ещё мгновение, и видение исчезло.

Современные былички о душах солдат играют немаловажную социальную роль в поисковом отряде, готовя человека к встречам с неожиданным на психологическом уровне. Такие предания о душах умерших относятся, по замечанию С.Ю. Неклюдова, «к числу наиболее продуктивных фольклорных жанров, донные актуальных» [Неклюдов, 1998: 7]. Их эволюция продолжается, вероятно, с самого зарождения повествовательной традиции в человеческом обществе. Они лишь несколько меняют предмет отображения, который при этом сохраняет главные структурные и функциональные признаки, позволяющие говорить о нем как о принципиально едином объекте. Этот объект связан с психологией человека, с основными эмоциями, характерными для любого времени и культуры, – страхом и любопытством. Из «двуприродности» миропорядка, включая и бытовую повседневность, и специфику поисковой работы, вытекает возможность внезапной «оборачиваемости» окружающей действительности, проявлений в ней потустороннего, появления Другого. И даже если факты точны, суждения о них неизбежно претерпевают непреднамеренные подсознательные искажения, поскольку в Другом целенаправленно ищут лишь что-то странное и необычное [Сервье, 2004: 22].

В заключение необходимо отметить, что поисковики, живя в лесу, в лагере, находясь среди останков непогребенных солдат Второй мировой войны, часто намеренно создают искусственное «игровое пространство». Соответственно, люди отдают себе отчет в том, что они делают. Они творят собственную неповторимую культуру и мифологию, иной, «непластмассовый мир», в котором даже если факты точны, то суждения о них неизбежно претерпевают искажения, поскольку в «Другом» целенаправленно ищут что-то необычное.

Литература:

1. Бенуас Л. Знаки, символы и мифы. М., 2004.
2. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности. // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998.
3. Сервье Ж. Этнология. М., 2004.
4. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002.

Каткова С. В. ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

**КОНЦЕПТОСФЕРА «СЕМЬЯ» В РУССКИХ ПЕСНЯХ ВЯТСКОГО
КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г.Е. ВЕРЕЩАГИНА)**

At the present time the questions about family values are especially actual. This article discusses the concept sphere of "family" from the axiological point of view. Axiological concepts and lexemes are identified, with which help the concept sphere of "family" is realized. This work is based on the analysis of Russian folk songs collected by Gregory Vereshchagin collected on the territory of the Vyatka region.

В настоящее время особенно актуальными являются вопросы о семейных ценностях. В данной статье рассматривается концептосфера «семья» с аксиологической точки зрения. Выявляются аксиологические концепты и лексемы, с помощью которых она реализуется. Эта работа основана на анализе русских песен, собранных Г.Е. Верещагиным на территории Вятского края.

Ключевые слова: семья, ценности, концептосфера, аксиологический, лексемы, русские народные песни.

Keywords: family, values, concept sphere, axiological, lexemes, Russian folk songs.

Имя Г.Е. Верещагина прочно вошло в отечественную науку в конце XIX века. Бесценным является его вклад и в фольклористику. Долгожданным событием стало издание текстов удмуртских и русских песен, опубликованных в двух книгах. Наиболее исследованными являются материалы по удмуртскому фольклору, тогда как тексты русских песен изучены недостаточно.

Цель статьи – показать, как на фоне языка русского песенного народного

творчества вырисовываются семейные отношения человека, его ценности; выяснить, каким образом функционирует концептосфера «семья», из каких аксиологических концептов она состоит. Новизна данного исследования в методологическом отношении обусловлена тем, что в ней впервые аксиологический подход апробируется на фольклорном материале, собранном на территории Вятского края. Примечательно, что в настоящее время особенно актуальными являются вопросы о ценностях, об ориентирах и о границе между различными идеалами.

В большинстве песен, собранных Г.Е. Верецагиным тема семейных отношений занимает центральное место. Главными их героями являются мужчина и женщина, муж и жена. Можно предположить, что основным концептом концептосферы «семья» является «любовь».

На начальном этапе своего зарождения любовь нам представляется только в положительном свете. Рассмотрим пример песни:

Ты, расти, расти, рябина, в саде! / Ты живи, милая, в доме, не печалься.

Мы с тобою обвенчались, / Чтобы друг друга любить вечно.

Мы одно прекрасное утро / С тобою вместе шли купаться.

На жёлтый песок садились, / Мылись свежую водою. [1, с. 254.]

В этих строчках концепт «любовь» подчёркивается пространственными лексемами *сад, дом*, которые придают ему устойчивость и завершённость. Также используются временные лексемы. В частности, словосочетание *прекрасное утро* даёт ощущение света и начала светлого чувства, которое будет длиться целую *вечность (любить вечно)*. Кроме того, обращает на себя внимание и инверсивная игра звуков в двух разнокоренных словах *обвенчались* и *вечно*. Данное явление выступает как своеобразный способ рифмовки слов песни, в которой рифма в принципе отсутствует; а также как приём, акцентирующий внимание на этих лексемах и придающий им взаимодополняющие смыслы (*обвенчались*→[перед Богом, чтобы]→ *друг друга любить вечно*). Далее всё указывает на явное присутствие в тексте песни концептов *чистота, очищение*, которые реализуются при помощи лексем-глаголов *купаться, мылись*; также используются существительные с эпитетами *свежую водою, жёлтый песок* (слово *песок* имеет полное право находиться в этом ряду, т.к. данный природный материал является отличным естественным фильтром). Цветовой эпитет *жёлтый* усиливает вышеупомянутое ощущение света.

В первых двух строчках (*Ты, расти, расти, рябина, в саде! / Ты живи, милая, в доме, не печалься*) мы видим использование приёма психологического параллелизма, который является весьма распространённым не только в народных песнях, но и в былинах, балладах, из которых песенная традиция берёт начало [2, с.243]. Вообще, А.Н. Веселовский о природе психологического параллелизма пи-

сал следующее: «Человек усваивает образы внешнего мира в формах своего самосознания. Мы невольно переносим на природу наше самоощущение жизни, выражающееся в движении, в проявлении силы, направляемой волей. Это мирозерцание мы называем анимистическим; вернее будет говорить о *параллелизме*. Дело идет не об *отождествлении* человеческой жизни с природною и не о *сравнении*, предполагающем сознание раздельности сравниваемых предметов, а о *сопоставлении* по признаку действия, движения: *дерево хилится, девушка кланяется ...*» [3, с.105].

Призыв *не печалься* свидетельствует о том, что у истоков любви нет места печали, здесь наблюдается готовность молодого героя делать всё, чтобы его милая не унывала. Очевидно, что данный приём подчёркивает и усиливает человеческие отношения, в нашем случае с его помощью основной концепт «любовь» подкрепляется дополнительным концептом «жизнь» (*расти, рябина; живи, милая*). Образ рябины здесь не случаен, это дерево в народном представлении ассоциируется с тонкой, нежной и любящей девушкой. В Центральной России, например, рябина использовалась в свадебных обрядах. Листья ее стелили в обувь новобрачным, плоды прятали в карманах их одежды – все это делалось для защиты от колдунов и ведьм. Кроме того, рябина – это символ и гарантия счастья и мира в семье, поэтому возле дома всегда старались посадить рябину [4].

На последующих этапах развития семейных отношений независимо от географии и контекста бытования песенных текстов, дела обстоят уже не так радужно, мы наблюдаем, что мнение мужей доминирует над позицией их жён. Пример:

Торопился я домой ... / Жене наказывал своей: / – Ты жена ли моя, женка, / Женка – верная служанка! / Уж не жди меня ночевати; / Меня ждали-ждали / Две девицы-красавицы. / Они взяли меня в сад гуляти [5, с.290].

Обращает на себя внимание глагольная лексема наказывал. Подобные волеизъявительные глаголы *приказано, не велят* встречаются в песнях, записанных и другими собирателями, что подтверждает общеизвестный факт абсолютной патриархальности семей того времени [6, с.3; 7, с.173, 174].

Данная позиция подкрепляется ещё и тем, что женщины часто воспринимались, как недалёкие создания и даже как божья кара:

Даровал меня Господь Бог. / Ляли, ляли! Даровал.

Женою глупой неразумной. / Ляли, ляли! неразумной.

Я за гудок, она – за пряху, / Ляли, ляли! За пряху [8, с.311].

В двух вышеприведённых фрагментах песен, очевидно, что ни одна лексема не отсылает к концепту «любовь». Зато прослеживаются четкие коннотативные элементы концептов «насмешка» и «издёвка»:

1) в слове *женка* уменьшительно-ласкательный суффикс -к- в данном кон-

тексте становится уменьшительно-пренебрежительным;

2) наличие прямого обращения к жене, где муж не скрывает своего намерения не *ночевати* дома, а пойти *гуляти* с двумя *девицами-красавицами*;

3) Игровая и весёлая тональность песни *Ляли, ляли!*

Существует, конечно, и противоположная ситуация, когда жена насмехается над мужем, который потерял свой авторитет:

Кого во солдаты? / Кого во драгуны?

Ещё мой-от муж не годен. / Он угоден, он и годен

На печи валяться, / С тараканами драться,

С мизгирём бороться [9, с.253].

4) В этой шуточной песне явно выделяется четвертый коннотативный элемент концепта «насмешка» — приуменьшение физических возможностей супруга.

Анализируя тексты песен, зачастую оказывается, что взаимными упрёками и насмешками дело не ограничивается. Подробнее остановимся на следующей песне:

– Черноброва черноглазенькая! / Ох, да не ты ли меня высушила,

Без морозу сердце вызнобила? / – Я присыпала печаль калачом

И заставила гулять по ночам, / По ночам, ночам – замужним жёнам,

Я пойду-зайду к соседу под окно, / Послушаю, что соседи говорят.

Меня, Аннушку, ругают и бранят: / – Полно, Анна, шаловать, баловать,

Полно, полно с балагурами играть; / Не пора ли своего мужа любить.

– Своего мужа насмерть не люблю, / Удружу дружку миленькому.

Через речушку мосточек настелю, / Настелю мосты калиновые,

Переходушки рябиновые [10, с.252, 253].

Данная песня вводит концепт «измена» в изучаемую нами концептосферу и раскрывает её, во-первых, посредством цветовой лексемы «чёрный» (*черноброва черноглазенькая*). Идею «тёмного» продолжает временная лексема *ночь*. Весьма красноречиво и однозначно на этот концепт работает пространственная лексика (*Через речушку мосточек настелю*). Вообще образы реки и моста даже независимо друг от друга, каждый сам по себе являются символами перехода из «своего» в «чужое» пространство. В рассматриваемой песне мы наблюдаем эти два символа рядом, что умножает смысл пограничности и неустойчивости концепта «измена». Зыбкость этого явления подчёркивается также уменьшительно-ласкательной формой слова *мосточек*. Важным является и тот факт, из чего сделаны эти *мосты* и *переходушки*.

В отличие от песни, рассмотренной в докладе с самого начала, рябина выступает здесь в качестве конструкта, объекта неживой природы, лишённого жиз-

ни. Таким образом, существующая оппозиция любви и измены, усиливается противопоставлением жизни и смерти. Эпитет *калиновые* добавляет вкус горечи и печали к отношениям, в которых присутствует измена. Более того, калина издревле сопровождала переходные этапы в жизни человека: это и свадебный символ (гроздьями калины украшали свадебный стол) и погребальный (часто это дерево сажали на могилах) [11]. Можно сделать вывод, что концепт «измена» является мостом между любовью и счастьем, с одной стороны, и ненавистью и смертью, с другой.

Отсутствие любви в этой связи подкрепляется дополнительными концептами «Сухость» (*меня высушила*) и «Холод» (*Без морозу сердце вызнобила*). Крайней формой отсутствия любви является концепт "смерть". Важно отметить, что смерть предстаёт в двух ипостасях: не только как физическая форма расправы, когда муж, например, убивает свою жену:

– Уж, ты муж ли мой, ... / Ты бей меня во глухую ночь, .../ Тут большая дочь пробудилась, ... догадалась. / – Ты скажи мне, родимый тятинька, / Где родимая наша маминька? / – Ваша маминька Одевается и прощается, / Во сыру землю собирается. [12, с. 291, 292-294].

Следующая ипостась концепта "смерть" – это состояние любви (*своего мужа насмерть не люблю*).

Но к смерти приводит также и сильная любовь, подобно той, которая описана в первой рассмотренной песне. Приведём пример:

Как во поле ... Солдатик убитой... / к нему приходила жена молодая, / слёзно говорила: – Ты восстань, мой милый! / Я помру с кручины, / Уж жива не буду [13, с. 334].

В заключение, важно отметить, что фольклорная концептосфера «семья» включает в себя множество разнополярных аксиологических концептов таких как: любовь, вечность, чистота, жизнь, с одной стороны; и насмешка, измена, смерть, с другой. Всё это доказывает, что фольклор, в целом, и материалы, собранные Г.Е. Верещагиным, в частности, являют собой отражение противоречивой жизни и психологии русского народа.

Примечания

1. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т./ По ред. В.М. Ванюшева. Т.4: Фольклор. Кн.2: Русский фольклор./ Отв. за выпуск и авт. предисл. Т.Г. Владыкина. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2002.

2. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: учебник для вузов. М.: Изд-во «Флинта», 2003.

3. Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля. М.: "Высшая школа", 1989.

4. См.: [http:// www.enc-dic.com/symbol/Rjabina-736.html](http://www.enc-dic.com/symbol/Rjabina-736.html).
5. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т./ По ред. В.М. Ванюшева. Т.4: Фольклор. Кн.2: Русский фольклор./ Отв. за выпуск и авт. предисл. Т.Г. Владыкина. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2002.
6. Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 2., М.: Типография А. Семена, 1861.
7. Стародубцева С.В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2001.
8. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т./ По ред. В.М. Ванюшева. Т.4: Фольклор. Кн.2: Русский фольклор./ Отв. за выпуск и авт. предисл. Т.Г. Владыкина. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2002.
9. Там же.
10. Там же.
11. См.: [http:// www.russianmyth.ru/kalina/](http://www.russianmyth.ru/kalina/)
12. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т./ По ред. В.М. Ванюшева. Т.4: Фольклор. Кн.2: Русский фольклор./ Отв. за выпуск и авт. предисл. Т.Г. Владыкина. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2002.
13. Там же.

Н.В. Митюков, докт. техн. наук

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»,
Л.П. Порцева канд. истор. наук, доц. Ижевский торгово-экономический техникум

ПОЗИЦИЯ В.И. ЛЕНИНА ПО ВОПРОСУ О ФЛОТЕ

В работе проанализировано изменение мнения по отношению к флоту В.И. Ленина. Показано, что их мнение зависело от текущего политического момента, меняясь иногда кардинально.

In this paper where was analyzed the change of the attitudes of V.I. Lenin toward the Navy. It is shown that their opinion is dependent on the current political moment, sometimes changing dramatically.

Ключевые слова: марксизм-ленинизм, философское наследие, военно-морское искусство.

Keywords: Marxism-Leninism, philosophical heritage, naval art.

Мнение Ленина по поводу флота было далеко не однозначное и менялось в течение его жизни. В 1904-05 гг. Ленин полностью или частично разделял теорию Мехена: слишком уж очевидны были ее главные положения.

Впоследствии, в своих статьях Ленин упоминает флот с чисто практической целью: революционное движение на флоте, пропаганда и агитация на флоте и т.д. После Октябрьской революции, первое упоминание о ВМС можно найти в речи на первом Всероссийском съезде военного флота 5 декабря 1917 г. [Ленин, Т. 35, С. 114]. Коснувшись общих вопросов политики, Ленин как бы между прочим заметил: «Во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя как передовой отряд». Контекст речи понятен: моряки – самый сознательный элемент в вооруженных силах, следовательно, Советской стране необходим сильный военный флот.

Но в это же время постановление СНК за подписью Ульянова-Ленина [Ленин, Т. 35, С. 130] гласило: «Поручается главному морскому хозяйственному управлению немедленно пересмотреть сметы морского министерства на 1917 г. с целью приостановки всех расходов по программе постройки военных судов». Все становится понятно: Ленин одной рукой голосует за сильный флот, другой – против.

Вообще двойственность для позиции для Ленина весьма характерна. Например, вот ряд цитат, посвященных по вопросу Черноморского флота.

Как известно, в 1918 г. на Черноморском флоте создалась серьезная ситуация: германское командование добивалось перевода флота из Новороссийска в Севастополь, советская делегация старалась этот вопрос замять, так как передача флота немцам означала его последующую контрреволютизацию.

24 мая 1918 г. на докладной записке Начальника Моргенштаба Ленин делает резолюцию [Ленин, Т.50, С. 81]: «ввиду безвыходности положения, доказанного высшими военными авторитетами, флот [Черноморский] уничтожить немедленно». Примерно в это же время в разговоре по прямому проводу с А.А. Иоффе, возглавлявшего советскую делегацию на переговорах, Ленин говорит [Ленин, Т. 50, С. 94]: «мы предпримем со своей стороны решительно все меры, чтобы добиться как перевода судов в Севастополь, так и прекращения военных действий... Повторяю, все возможное делается». А телеграмма в Берлин от 18 июня в этом контексте вообще становится образцом непонятности ответа [Ленин, Т. 50, С. 102]: «насчет судов Черноморского флота... мы принимаем все меры и я надеюсь, что приказ исполнят». Непонятно только какой приказ, первый или второй.

Эти интриги самым пагубным образом повлияли на умы и чаяния простых матросов. Официальная двойственная позиция правительства окончательно запутала и без того сложную ситуацию и вызвала цепную реакцию, закончившуюся Кронштадтским восстанием 1921 г. Вот как описывает события в Новороссийске один из непосредственных участников событий Н.Р. Гутан [Гутан, С. 131]: «Объявление этой циничной телеграммы произвело сначала на присутствующих ошеломляющее впечатление, которое сразу же перешло в негодование по адресу СНК. Помимо брани слышались голоса: «Предатели хотят вину потопления флота сложить на нас, хотят поставить нас вне закона» и т.д. и т.п.»

Понял Ленин или нет опасность, которая грозила Советской власти со стороны флота, сейчас сказать трудно. Но после окончания гражданской войны, когда перед страной встал вопрос о дальнейшем выполнении судостроительной программы, реакция Ленина была однозначной. 23 октября 1920 г. он пишет проект постановления по вопросу восстановления Балтийского флота [Ленин, Т. 41, С. 392]: «Поручить Петроградскому Совдепу и специально Комитету обороны... обратить особое внимание на ускорение работ по восстановлению Балтийского флота и согласованию всех учреждений, способных помочь делу с устранением всякой волокиты и установлением реального надзора за быстротой и успешностью работ».

Но всего через несколько месяцев отношение Ленина к флоту меняется, и стало каким-то пассивным, выжидательным. Уже нет громких слов о богатых революционных традициях. Чувствуется какая-то напряженность. В докладе «О замене подразвестки натналогом» на X съезде РКП(б) [Ленин, Т. 43, С. 65] 15 марта 1921 г. Ленин об РККФ как бы невзначай заметил следующее: «Надо иметь флот, этого у нас нет – флот в руках враждебных».

Еще через несколько месяцев позиция Ленина меняется в корне. Теперь он употребляет свои силы прямо в противоположном направлении: на дело уничтожения своего флота. В записке от 14 мая 1921 г. тов. Кржижановскому в президиум Госплана [Ленин, Т. 43, С. 261] Ленин рассуждая об экономических вопросах, стоящих перед страной, между прочим, замечает: «Отдельно флот, относительно коего нужен особый расчет, максимальное сокращение, почти уничтожение флота и расходов на него». В письме Л.Д. Троцкому за подписью Председателя СНК Ленин 30 июля 1921 г. пишет [Ленин, Т. 53, С. 83]: «Ликвидация Морского ведомства необходима... Прошу сделать соответствующие распоряжения и указать, какой срок назначен и кто является ответственным за проведение ликвидации».

Что же такое случилось с Владимиром Ильичом, из-за чего он на 180 градусов поменял свое отношение к флоту? Может финансовое положение страны резко изменилось, и ей уже не под силу держать большую армию и флот?

Но нет, на IX Всероссийском съезде советов, в докладе, написанном 25 декабря 1921 года [Ленин, Т. 44, С. 335] Ленин черным по белому пишет: «Не допустить ни малейшего ослабления задачи снабжения в 100% нужд Красной Армии, что должно быть поставлено в первую очередь в интересах сохранения обороноспособности Советской республики».

Может из-за Вашингтонской конференции 1921–22 гг., когда Англия, США, Япония и другие ведущие военно-морские державы договорились о сокращении своих ВМС, и Советская Россия в ответ на это сокращает свои? Опять не похоже. Вашингтонская конференция на том же съезде заклеена Лениным как способствующая гонке вооружений. Впоследствии М.В. Фрунзе даже приведет цифры, иллюстрирующие это [Фрунзе, Т. 2, С. 258]: «В 1913 г. морской бюджет 7 главнейших морских держав составлял 100,5 млн ф. ст. На 1925 г. он равнялся 230,6 млн. Разница довольно внушительная». Ниже Фрунзе замечает: «Несмотря на соглашение в Вашингтоне, ограничившее морские вооружения, фактически развертывается та же самая, если не большая судостроительная горячка, с той лишь разницей, что взамен запрещенных крупных судов строят суда меньшего тоннажа, а также воздушный флот».

Может из-за потепления международной обстановки Советская Россия в одностороннем порядке решила сократить часть своих вооруженных сил? Опять не похоже. Ленин в своем докладе «О международном и внутреннем положении» 8 марта 1922 г. приводит слова Л.Д. Троцкого, который в ответ на нападки мировой буржуазии требовал увеличить революционную бдительность, и которые Ленин целиком поддерживает и одобряет [Ленин, Т. 45]: «Пусть каждый красноармеец усвоит себе международное положение... Мы будем на чеку, и пусть каждый красноармеец знает, что такое дипломатическая игра, и что такое сила оружия, которая решает все классовые конфликты».

Так что же такое произошло в конце 1921 – начале 1922 г.? Ответ известен: Кронштадтский мятеж.

В своем стремлении уничтожить флот, как рассадник контрреволюционных идей, Ленин неумолим. В первом письме к И.В. Сталину от 25 ноября 1922 г. [Ленин, Т. 45, С. 312] он пишет: «Флот в теперешних размерах, хотя и является «флотишкой», по замечанию тов. Скиянского, все же для нас непомерная роскошь». Но и тут в деле уничтожения флота Ленин сохраняет свою знаменитую расчетливость. Ниже он замечает: «Крейсер «Нахимов» надо достроить, ибо мы его продадим с выгодой, а в остальном я убежден... флот нам

не нужен». Кому-кому, а уж Ленину, который еще в 1917 году оценил опасность, которую может создать революционному Питеру даже какой-то там шведский флот, и восклицавший тогда: «мы крайне обеспокоены, не допускаем мысли, чтобы наш революционный флот бездействовал» [Ленин, Т. 50, С. 42]. И вдруг, такая явно пораженческая концепция «Флот нам не нужен». Действительно, как во времена Брестского мира снова приходилось выбирать: или потеря Питера в случае новой войны, или под рукой всегда будет «настоящий образец творческих возможностей трудящихся масс, передовой отряд» в лице флота.

Во втором письме И.В. Сталину от 29 ноября 1922 г. [Ленин, Т. 45, С. 313] он пишет уже более трезво: «Держать флот, сколько-нибудь значительного размера, нам по соображениям экономическим и политическим, не представляется возможным», хотя и признает, что: «общее число судов мне представляется излишним».

Литература:

Бунич И.Л. Таллинский переход. Ростов на Дону: Проф-Пресс, 1994. 544 с.

Гутан Н.Р. От Севастополя до Новороссийска // *Гангут*. 1992. – № 4. – С. 98–111; 1993. – № 5. С. 80–88; № 6. С. 127–143.

Емелин А. Военная реформа 1924–1928 гг. // *Морской сборник*. 1991. – № 2. С. 24–31.

Ленин В.И. А.А. Иоффе // *Полное собрание сочинений Т. 50*. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 102–103.

Ленин В.И. Доклад о замене продразвестки натуральным налогом // *Полное собрание сочинений Т. 43*. – М.: Издательство политической литературы, 1977. С. 57–73.

Ленин В.И. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый на IX Всероссийском съезде советов 28 декабря 1921 г. // *Полное собрание сочинений Т. 44*. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 335.

Ленин В.И. О международном и внутреннем положении // *Полное собрание сочинений Т. 45*. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 1–16.

Ленин В.И. О переводе военных заводов на хозяйственно полезные работы // *Полное собрание сочинений Т. 35*. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 130–131.

Ленин В.И. О сокращении программы ремонта и строительства военноморских судов. Письма к тов. Сталину // *Полное собрание сочинений Т. 45*. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 311–313.

Ленин В.И. Ответ по прямому проводу А.А. Иоффе от 10–15 июня 1918 г. // Полное собрание сочинений Т. 50. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 94–95.

Ленин В.И. Проект постановления СТО по вопросу восстановления Балтийского флота // Полное собрание сочинений Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 392.

Ленин В.И. Радиотелеграмма в Центробалт от 15 февраля 1918 г. // Полное собрание сочинений Т. 50. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 42.

Ленин В.И. Резолюция на докладной записке Начальника Морского Генерального Штаба от 24 мая 1918 г. // Полное собрание сочинений Т. 50. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 81.

Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Протокольная запись // Полное собрание сочинений Т. 35. – М.: Издательство политической литературы, 1981. – С. 112–118.

Ленин В.И. Тов. Кржижановскому в президиум Госплана // Полное собрание сочинений Т. 43. М.: Издательство политической литературы, 1977. С. 260–263.

Ленин В.И. Троцкому // Полное собрание сочинений Т. 53. М.: Издательство политической литературы, 1965. С. 83.

Монаков М. К «большому морскому и океанскому» флоту (1936–1939) // Морской сборник. 1994. – № 7. С. 36–42.

Монаков М. Разгром «старой» школы (1930–1931) // Морской сборник. 1992. – № 7. С. 37–42.

Монаков М. Танки или корабли? (1928–1930) // Морской сборник. 1992. – № 3. С. 34–39.

Монаков М. Флот для «малой войны» (1933–1937) // Морской сборник. 1994. – № 3. С. 33–39.

Монаков М., Березовский Н. Флот должен быть активным (1925–1928) // Морской сборник. 1991. – № 2. – С. 24–31; № 4. С. 16–22.

Монаков М., Грибовский В. На пороге большой войны // Морской сборник. 1994. – № 12. С. 27–31.

Постановление III Съезда советов СССР по докладу тов. Фрунзе // Фрунзе М.В. Избранные произведения. Т. 2. – М.: Воениздат, 1957. С. 289–290.

Примечание к докладу М.В. Фрунзе «Итоги и перспективы военного строительства» // Избранные произведения. М.: Воениздат, 1951. С. 567–568.

Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная Армия // Избранные произведения. М.: Воениздат, 1951. С. 137–160.

K.R. Crawford, professor of Natural history
Gunnery Fire Control Group (CША)

THOUGHTSON THE NAVAL TECHNOLOGY USED IN THE BATTLE OF THE YALU

Морской бой представляет собой войну технологий. В этом отношении битва на Ялу уникальна тем, что это был последний бой, в котором участвовали броненосцы, и первый бой в котором сказалось влияние новых технологий: дальномеров и скорострельных орудий, и переход от дымного черного пороха, для замедления горения на коричневый порох и порох на основе нитроцеллюлозы. Эта статья представляет попытку объяснения результатов сражения путем анализа этих технологий.

Naval Combat is invariably a clash of technologies. The Battle of the Yalu is unique in that it was the last battle in which ironclads participated, and the first battle influenced by the new technologies of Range Finders and Quick Firing guns, and represents the transition from Black Powder propellants to slow burning Brown Powder and nitrocellulose propellants. This article seeks to focus on the technologies involved as a partial explanation of its outcome.

Ключевые слова: военно-морской, дальномер, черный порох, скорострельные орудия

Key words: Naval, Range Finder, Black Powder, Quick Firing gun

Naval combat invariably is a confrontation between technologies, influenced by the people involved. A detailed study of any naval battle, be it Salamis, Trafalgar, Lissa, Tsushima, Jutland or Leyte Gulf, reveals men compensating for a technical inferiority or exploiting a technical superiority.

The Battle of the Yalu is no different. The Chinese fleet represented the best technology of the 1880s. The Japanese fleet represented a “mixed bag” of technologies, but were the clear victors. This brief paper is intended to examine the Fire Control/Gunnery technologies of both sides, hopefully to increase understanding of this brief period in history.

The engagement was fought at very close range. Compared to the well known actions at long range, such as the Run to the South at Jutland, or *Bismarck* and *Hood*, which have accustomed us to multiple thousands of meters range, the Battle of the Yalu was fought at “spitting distance.” The reason for this was primarily technical. These technical aspects also explain why gunnery practice and Battle Practice was made at short ranges, among all Navies.

First, it is necessary to understand that the Breech Loading Rifles (BLRs or RBLs) fired very slowly. Compared to the combats in the First and Second World Wars, the Battle of the Yalu was naval action in slow motion. Tactics and combat capabilities were severely limited by this aspect.

Under ideal conditions, which of course did not exist in real life, the Muzzle Loading Rifles (MLRs or RMLs) could fire once every four minutes. The large BLRs of the 1860s and 1870s were not any better. This begs the question of Fire Control, defined as calculating where the target will be in terms of range, bearing angle, and estimated target course angle. In a five minute period, a ship steaming at 12 knots will travel a distance of 1852 meters (2160 meters at 14 knots), which is several ship lengths. Even if the target cooperates and maintains a straight course, the changes in the situation are considerable. Consequently, each shot must have a new solution.

These Fire Control solutions were entirely manual. Target range was either estimated by eye, or estimated with a sextant-like instrument which keyed off the waterline and the known height of some feature, such as mast or funnel height. Obviously accurate estimates were increasingly difficult as range increased. An accurate and reliable rangefinder would do much to improve the situation.

The “state of the art” of gunnery may be described in the following eye witness accounts. According to Admiral George Ballard, as a young man aboard the *Resistance* in 1876, the rear sight had ranges marked off up to 4,000 yards, but “...firing practices were very seldom carried out at more than 800.” A Petty Officer aboard *Victoria* in the 1890s noted that “the target was usually a spar with a red flag on it, at a distance of some two thousand yards or less...” And Admiral Ballard, while aboard *Temeraire* in 1884, described the Annual Prize Firing as a target “stretched on a row of poles on a raft...and ranges of about 900 to 1,400 yards were marked by buoys instead of being left to guess work...” At the time of the Yalu battle, the Imperial German Navy, the most advanced in the development of long range gunnery, had only recently increased their practice range to 2,500 meters.

The only ship equipped with a viable rangefinder was the Japanese cruiser *Yoshino*, which carried the eighth production model of the Barr and Stroud optical coincidence instrument. But this single device allowed the “Flying Squadron” to engage effectively at the then unheard of range of 3,000 yards, and gave the Japanese a tremendous advantage.

While firing to the correct range is no doubt a great accomplishment, the guns still needed to be laid correctly. All of the guns in the Chinese and Japanese fleets had only open sights, attached to the guns! Like a modern hunting rifle, the rear sight must be lined by eye with the front sight and the target. For the hunter, this is a precision skill. But imagine attempting the same feat with a gun weighing many tons, in the ab-

sence of precision controls for both elevation and traverse. Now imagine performing the task on a rolling and pitching ship at sea.

The “state of the art” called for firing “on the roll” when the sights were on target. There were two problems with this method. First, the recoil of one of the big guns would affect the motion of the ship, providing a *de facto* delay to other guns. Either the gun captain waited for the roll before firing his gun, or the gun was fired anyway, producing questionable results. And second, firing “on the roll” required that the target be visible.

Guns using black powder as a propellant produce a **lot** of smoke! And the smoke tends to linger in the area, making hazy conditions if not outright impenetrable fog. And virtually all of the guns in the Chinese and Japanese fleets used black powder. The most common propellant was Prismatic Black; a compressed mold of powder intended for slower ignition than loose powder. However, the nature of black powder prohibits dependable regularity of burning. This also mitigated in favor of short ranges, as the irregular performance of the propellant equated to irregular and undependable ranging, so the greater the range, the less likelihood being able to consistently fire to that range.

By extension, the test of the 71-ton (40cm bore) at Meppen on 5 August 1879 will serve as an example. Under ideal conditions, that is stable test platform and every effort made to duplicate the same conditions for each shot, the gun was fired several times at a range of 2,500 meters. The results were described as “very accurate...excluding the first two regarded as trial shots, the vertical dispersion was only 17 $\frac{3}{4}$ inches and the lateral dispersion 71 inches...” By inference, these variations are primarily due to the irregular burning of the Prismatic Black powder used as the propellant. From a rolling and pitching deck of a ship, such irregularity decreased the possibility of accurate shooting as range increases.

In the mid 1880s, Brown Powder came into use. This had the advantage of producing about half the smoke as black powder. It also burned with much greater regularity than did black powder. This made it more suitable for the “Quick Firing” gun cartridges then being introduced, and as a secondary effect, promoted firing at longer ranges.

But Brown Powder was being eclipsed by the advent of “smokeless” (by comparison with Black and Brown powder) nitro-cellulose powders, such as the British Cordite, the French Poudre B, and Noble’s Ballistite. Of all the guns used at the Yalu, only the newer guns used Brown Powder, and only the *Yoshino* had Cordite for her Quick Firing guns. Most of the Chinese guns used Prismatic Black powder, and the rest used Brown Powder.

The devices that would compensate for roll and provide simultaneous fire of the guns were already in existence. These were the Director Sight and electrical ignition circuits to the guns. The latter had been developed around 1868 in the British Royal Navy, and so was widely known. Yet even in the mid-1880s it was offered as an option by Armstrongs, and presumably by Krupp.

The history of the Director is a subject still awaiting full investigation. It seems to have been invented in the early 1850s by a Captain Moorsom, RN. In the mid-1870s, Admiral Sir George Elliot developed a serviceable Director system, first used successfully by *Shah* in her bout with the *Huascar* in 1877. Its use at Alexandria, Egypt, in 1882 gave mixed reviews. The problem was a method of communication from the Gunnery Officer to the guns, as the voice tube seemed insufficient in the din of battle. Sir Percy Scott, when a young Lieutenant in 1881, invented an electronic device to visually transmit information to the guns; but it was still lying dormant in the Admiralty. Bradley Fiske also invented electronic range transmitters and indicators, but they were not available outside the U.S. Navy. And Barr and Stroud began development of electric range and order indicators only in 1894.

However, four of the ships built by Armstrongs were equipped with both the Director and electrical circuits for salvo firing, two on each side! These were the Japanese *Naniwa* and *Takachiho*, and the Chinese *Chih Yuen* and *Ching Yuen*. From a gunnery effectiveness view, it is interesting that both the Japanese ships were in the Flying Squadron with *Yoshino*. Even though both were armed with slow firing BLRs, their ability to shoot accurately would be greatly enhanced.

Another side effect of the slow rate of fire of the BLRs was that a large ammunition supply was not required. There is not a great deal of specific information available, but what is widely known is probably indicative. By way of example, the official load-out of the Chinese *Ch'ao Yung* class, which includes the Japanese *Tsukushi*, was 34 Common, 10 Shrapnel, 6 case shot, 36 chilled (Palliser) shells, and 14 chilled (Palliser) shot per ship. This is fifty rounds per 10" gun. For the short 4.7" guns, the supply was 12 Common, 30 segmental, 30 shrapnel, and 10 case shell per gun. The *Chen Yuen* class battleships carried fifty rounds per 30.5cm gun. The *Matsushima* type had sixty rounds for the 32cm guns, and one hundred for each 4.7-inch QF.

Bursters were most likely black powder. The British seemed loathe to experiment with high explosive fillers, only approving the use of Lyddite for medium caliber Common shell in the late 1890s, in time for Kitchener's march up the Nile. The Germans adopted gun-cotton in 1883 (Gf/83), and the French shortly thereafter, but its use was short lived, being superseded by picric acid in the late 1880s (Gf/88 for the Germans, Melinite for the French). If some of the German made shells were filled with gun-cotton, it would in part explain why there was a shortage of explosive shells in the

Chinese fleet; the valuable gun-cotton was removed and sold for its industrial/commercial uses. Nor could the supply of domestically produced shells could not be trusted. As Richard N.J. Wright noted, “*Ping Yuen* scored a direct hit on *Matsushima* at one point with her 10.2-inch [26cm] gun. Unfortunately the shell was Tientsin-made and found to contain cement, not HE.”

The late Peter Brook drew some conclusions in his treatment of the Battle of the Yalu, which deserve some closer scrutiny. He noted that “The battle exploded the myth that small, fast unarmoured ships carrying a powerful big gun armament could, by means of superior speed, defeat a battleship by choosing their own decisive range. *Ch’ao Yung*, *Yung Wei*, *Naniwa*, *Takachiho* and the three big Japanese cruisers were all designed on this principle.” This statement is misleading at best, and only partially valid.

In his Warships for Export, Dr. Brook gives the background of the so-called Elswick Cruisers at some length. The original memorandum was probably written by Stewart Randel in the late 1870s, and explained the specifications of the new cruiser type with its vitals protected by an armored deck only. Hence, they were the prototypes of the Protected Cruiser, and not completely unarmored or unprotected. The wording of the quote above is a little obscure, and seems to imply that a single such cruiser could overcome an ironclad battleship. Yet the specific memorandum says something quite different. “These larger [than gunboat] vessels from their great speed and artillery power combined, would be able to follow up and search out ironclads and to choose their own mode and time of attack...five of the new vessels could be built for the cost of one such ironclad. Collectively, they would offer greater power than the ironclad.” From the use of plurals when referring to the small cruisers, and the singular “ironclad,” it is logical that several such cruisers would combine against a single ironclad. It is equally obvious that this type of cruiser was never intended to be confined to a line of battle. In the context of when the memorandum was written, and bearing in mind the slow rate of fire which characterized the big guns of that time, it is entirely reasonable to envision a division of four such cruisers harrying a single unescorted ironclad to death. So there was a valid justification for the *Ch’ao*, *Yang Wei*, and their Japanese sister *Tsukushi* at that time, though singly or in pairs was obviously insufficient for the task. Nor were they ever intended to be exposed for long to the fire of opponents.

But it is questionable if *Naniwa* and *Takachiho* can be included as representatives of the same type of cruiser. The only point in which they comply with the original specifications is the heavy gun armament. But this is a characteristic they shared with many cruisers built for other navies, at that time and later. Otherwise, they had over

twice the displacement, a much heavier armament, much better protection, and conform well to the other Second Class cruisers.

The three big Japanese cruisers, *Itsukushima*, *Matsushima*, and *Hashidate* have nothing in common with the origins of the Elswick Cruiser, and should not be considered with that type. Actually, Japan could not afford to build ironclads to compete the Chinese ironclads, and no Japanese ship at that time carried guns sufficiently powerful to penetrate their armor. So the Japanese Navy approached Emile Bertin, the famous French designer, with the problem of acquiring the largest and most powerful gun on the smallest possible hull. The resulting ships were almost complete failures, being outrageously unbalanced. The Japanese realized this after the French built pair were delivered and they had some experience with operations. So they altered the design of *Akitsushima* and *Chiyoda* to produce reasonable and viable cruisers. To re-apply an old adage, there is no form of criticism to which the *Matsushima* class do not offer themselves. The faults of the design and construction and armament, save for the Armstrong 4.7-inch (12cm) Quick-Firers, combined with the losses of the French designed and built *Unebi* and *Chishima*, had a great negative effect on the reputation of French shipbuilders.

Dr. Brooks also presented the following statement, by way of a conclusion. "While the Chinese could have made a more effective showing with better officers and sufficient explosive shell for their 12-inch guns, the most important factor in deciding the battle was that the Japanese had a more modern fleet, and in consequence mounted the quick-firers which proved so effective against the unarmoured Chinese ships." This is a very all-encompassing statement, and provides the basis for additional discussion.

The first point is that *Fuso* and *Hiei* dated to 1878, while all of the Chinese ships involved were products of the 1880s, although the *Kuang Yi* class torpedo gunboats were completed in the early 1890s, and were armed with quick-firing guns. The Japanese *Matsushima* type were completed in the early 1890s, but to such a poor design that they did not represent an advance or improvement over the Chinese cruisers, save for their quick-firers. Both *Chiyoda* and *Akistushima* were serviceable cruisers, but of something of a hybrid design, in an effort to obtain useful ships from French designs. *Akistushima* was originally to have been of the *Matsushima* type, and *Chiyoda* was also to have carried one of the huge 32cm guns. By far the best Japanese cruisers were the *Naniwa* class and the new *Yoshino*. The former were contemporaries of the Chinese cruisers. So on the whole, the majority Japanese ships were not newer than their Chinese opponents.

As mentioned above, the 32cm guns on the *Matsushima* type were completely ineffective. The three ships managed to fire a total of thirteen rounds, but scored no hits. Not so the 30.5cm guns on the Chinese ironclads. So it seems fair to say that the

actual factors which determined the course of the battle come down to the quick-firing guns, and tactics.

Quick-firing guns were not a surprise to the Chinese. As mentioned, the *Kuang Yi* class was armed with them. But whereas the Japanese had added 3-inch QFs to *Hiei*, and up-dated *Fuso* by replacing her slow firing 17cm BLRs with six 6-inch QFs, the Chinese did not take similar action. The interesting question is, why not?

The answer is basically that Admiral Ting tried to keep his ships armed with the most modern pieces. Indeed, the constructors of the German-built ships felt that the ships were under-armed, and added two or four extra and unplanned 7.5cm field guns on naval carriages, a point often overlooked in most reference books. Andrzej Mach points out that Ting sought to strengthen the armament of the 6 best ships, and wanted 21 Krupp 12cm QF guns. Due to the lack of money, the plan was reduced to twelve guns to be split between the two battleships. But the Board of Revenue rejected the request as the Empress Dowager needed the money for her Diamond Jubilee the following year.

Another possible source was the Kiangnan Arsenal, which was building quick-firers domestically. Richard Wright notes that a “4.7-inch QF gun, firing a 45 lb. [20.41 kg.] shell had been test fired in Shanghai in June 1893. A dozen or more of these guns, replacing the Peiyang fleet’s 6-inch BL guns which had a rate of fire of just 1 rpm [round per minute], would have made a significant improvement to the fleet’s gunnery performance. Unfortunately the Chinese administration was too ponderous to be capable of arranging such a scheme. The best that was achieved was the late delivery of a few of the 4.7-inch QF guns directed to the additional defence of Wei-Hai-Wei.”

It seems that efforts to provide the most modern guns, and even explosive shells, fell victim to the endemic graft and corruption and bureaucratic inefficiency that characterized the final years of the Manchu dynasty. Thus, the Chinese relinquished the advantage of quick-firing guns to the Japanese.

Still, naval history is replete with examples of inferior forces besting a superior enemy with masterful tactics. We will never know if Admiral Ting and his foreign advisers could have handled his fleet effectively. He was rendered unconscious by the blast effect of the first ill-conceived shots from his flagship, the *Ting Yuen*, toward the *Yoshino*, at the impossible distance of 6,000 yards (around 5500 meters), and was unavailable for the rest of the battle. Lifting a page from his background in the cavalry, he approached in line abreast, a most dis-advantageous formation. Without the guidance of Ting and his staff, the formation remained unaltered, which allowed the Japanese Flying Squadron to fall on the weak flank, while their Main Body “crossed the ‘T’” of the Chinese line.

By way of a conclusion, it seems fair to say that the Battle of the Yalu was decided as much by bad tactics, perhaps inadvertent, on the part of the Chinese, as to the quick-firing gun and rangefinder advantages of the Japanese. All were required for the Chinese to lose so decisively.

Bibliography

1. *Brassyey Th.A.* The Naval Annual. Various editions from 1886 to 1901.
2. *Brook P.* Warships for Export: Armstrong Warships 1867–1927. Gravesend: World Ship Society, 1999.
3. *Brook P.* The Battle of the Yalu, 17 September 1894. Warship 1999 – 2000. London: Conway Maritime Press, 1999.
4. *Brose E.D.* The Kaiser's Army: The Politics of Military Technology in Germany During the Machine Age, 1870 – 1918. New York: Oxford University Press, 2001.
5. *Brown F.I.* The Big Bang: A History of Explosives. Gloucestershire: Sutton Publishing, 2005.
6. *Campbell N.J.M.* British Super-Heavy Guns. Warship Volume III. London: Conway Maritime Press, 1979.
7. *Crawford K.R.* The Victorian Navy in Transition: British Naval Policy Between the Russian War Scares, 1878–1885. Purdue University: Unpublished Thesis, 1978.
8. *Crawford K.R.* A Brief Study of Fire Control Developments, 1860 – 1900. Seekrieg V documentation.
9. *Falk E.* Togo and the Rise of Japanese Sea Power. Cranbury: The Scholar's Bookshelf, 2006.
10. *Gardiner R. ed.* Conway's All the World's Fighting Ships, 1860–1905. Annapolis: NavalInstitute Press, 1979.
11. *Gardiner R. ed.* Steam, Steel & Shellfire: The Steam Warship, 1815–1905. London: Conway Maritime Press, 1992.
12. *Itani J., Lengerer H., Rehm-Takahara T.* Sankeikan: Japan's Coast Defence Ships of the *Matsushima* Class. Warship 1990. Annapolis: Naval Institute Press, 1990.
13. *Jager H.* German Artillery of World War One. Ramsbury: The Crowood Press Ltd., 2001.
14. *Jentschura H., Jung D., Mickel P.* Warships of the Imperial Japanese Navy, 1869–1945. Annapolis: Naval Institute Press, 1977.
15. *King J.W.* The War-Ships and Navies of the World, 1880. Annapolis: Naval Institute Press, 1982.

16. *Lopez J.M.* San Martin Enciclopedia en Color de la Marina Mundial Cruceros. Madrid: Libreria Editorial San Martin, 1976.
17. *MacCallum I.* The Riddle of the Shells, 1914 – 1918: The Approach to War, 1882 –1914. Warship 2002–2003. London: Conway Maritime Press, 2003.
18. *Mach A.* The Chinese Battleships. Warship Volume VIII. Annapolis: Institute Press, 1984.
19. *Mehl H.* Naval Guns: 500 Years of Ship and Coastal Artillery. Annapolis: Naval Institute Press, 2002.
20. *Milanovich K.* *Naniwa* and *Takachiho*: Elswick-built Protected Cruisers of the Imperial Japanese Navy. Warship 2004. London: Conway Maritime Press, 2004.
21. *Milanovich K.* *Chiyoda* (II): First ‘Armoured Cruiser’ of the Imperial Japanese Navy. Warship 2006. London: Conway Maritime Press, 2006.
22. *Moss M., Russell I.* Range and Vision: The First Hundred Years of Barr & Stroud. Edinburgh: Mainstream Publishing Company Ltd., 1988.
23. *Watts A. J., Gordon B.G.* The Imperial Japanese Navy. Garden City: Doubleday & Company, Inc., 1971.
24. *Wright R.N.J.* The Chinese Steam Navy, 1862 – 1945. London: Chatham Publishing, 2000.
25. *Wright R.N.J.* The Peiyang and Nanyang Cruisers of the 1880s. // Warship. London: Conway Maritime Press, 1996.

РАЗДЕЛ 2 СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

А.В. Емельянов канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

ГЕДОНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИТУАЦИИ

В статье рассматривается проблема существования и трансляции гедонистических ценностей в современной культуре. Рассматриваются модели и образы удовольствия, условия, в которых они возникают, мировоззренческие и этические последствия восприятия гедонистических ценностей, в том числе современным российским сознанием.

The article deals with the problem of existence and translation of hedonistic values in the modern culture. Models and images of pleasure, a condition in which they arise, world-outlook and ethical consequences of perception of hedonistic values, including the modern russian consciousness are considered.

Ключевые слова: гедонистические ценности, общество потребления, модели культуры, дискурс удовольствия.

Keywords: hedonistic values, consumer society, models of the culture, discourse of the pleasure.

Современная культурная ситуация изобилует обращениями к теме удовольствия. Это происходит как в организации жизненных пространств, в специально создаваемых коммерческих, рекламных стратегиях, феномене конsumerистской, или потребительской культуры, так и отражается в базовых аксиологемах теоретической философии («машины желания» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «мягкий соблазн» Ж. Бодрийяра). Язык общества потребления – это язык удовольствия, соблазнов, которые сопровождают человека и формируют специфический дискурс, одновременно это – и тип человека, который культивируется и формируется (человека-гедоника), и базовая ценность, императивно предъявляемая обществом. Говоря словами М.Фуко, феномен удовольствия оказался проблематизирован: подобно тому, как в предыдущие эпохи были актуализированы феномены разума, веры, политики, идеологии, человек знал себя как существо, способное быть рациональным, политиче-

ским, верующим, в эпоху XX века оказались востребованными идеи и феномены, так или иначе связанные с переживанием и испытанием удовольствия. В полной мере это относится и к российским реалиям, где проблема восприятия и адаптации гедонистических ценностей лишь не так давно была осознана именно как проблема – как мировоззренческого, так и этического плана.

Грани и черты дискурса удовольствия – это, несомненно, грани и черты самого общества. В этой связи представляется интересным исследование тех коллизий, в которых предстаёт «человек гедонистический»: как, например, ценность удовольствия сопрягается со смысложизненными ориентирами «большой культуры» (противоречит им или нет, как это нередко считается), влечёт ли гедонизация жизни в некотором смысле забвение нравственности, и не является ли тотальный консумеризм и акцент на потребительские стратегии (вообще, или только в рамках российских реалий) путём в никуда. Удовольствие как ценность есть часть стратегий цивилизационной модели общества – с его влечением к техногенности, глобальности, рациональности: актуален ли в этой связи прогноз О. Шпенглера об отмирании этого общества, потерявшего дух культуры и жизненности, или же речь идёт о существенном преувеличении (то, что этот прогноз вполне может быть актуален, говорит отнюдь не исчезновение в современном мире традиционалистских установок).

Как производится гедонистический дискурс? В числе факторов, его определивших, чаще всего называют существенное улучшение качества жизни на рубеже XIX-XX вв., относительное исчезновение вековых проблем – голода, болезней, низкой продолжительности жизни. Человеческое существование существенно изменилось с точки зрения комфортности, быта и т.д., экономика оказалась переориентированной с нужд крупного производства на нужды потребления – всего того, что предназначено для «жизни в своё удовольствие». Дискурс удовольствия, с другой стороны, был инициирован в начале XX в. психоанализом: человек узнал себя, с одной стороны как существо вожделяющее, способное испытывать чувственные, в том числе сексуальные переживания, и, что немаловажно, выражать это (фактически, как подчеркивал Фуко, речь шла именно о дискурсе, актуализации, выставлении на поверхность того, что до этого существовало в латентной, скрытой форме), а с другой – узнал, что подобная сторона его природы является ключевой, определяющей огромное количество сторон его деятельности и влияющей на многочисленные процессы, в том числе политические, идеологические, духовные и т.д.

Специфическую ситуацию «пребывания в удовольствии» в современном, постмодерновом обществе задает, как это ни странно, интегрированная

социальность. Речь идет не только и не столько о специальных механизмах воспроизведения гедонистических стандартов (вроде культа молодости, комфорта, удобства или процветания), и не о связанных с ними стандартах потребительского общества, но скорее о той ситуации, в которую оказывается помещен человек в условиях тотальной массовости и информативности. В современном обществе происходит, казалось бы, тотальная забота «всех обо всем», человек словно бы оказывается предметом всеобщего внимания и диалога. Ему со всех сторон предлагают взять выгодный кредит, приобрести новые товары по необыкновенно дешевой цене, средства для еды или для ухода за телом, которые обладают необыкновенным удобством и эффектом. «Код» гедонизма – во всеобщей обращенности общества и индивида, в заботящемся (в хайдеггеровском смысле) существовании; гедонизм в этой связи предстает как своего рода производная, функция от массовости общества, того факта, что все большее число акторов – носителей смысла и социальных стратегий – претендуют на то, чтобы быть активными участниками социального репродуктивного.

В ценностном поле современного общества доминируют мотивы, рассматривающие человека в контексте испытываемых им удовольствий (как, впрочем, и страданий). Как пишет в своей «Социально-исторической антропологии» Н.Козлова, «человек потребляющий» считает своим долгом испытывать удовольствие. Он сам становится предприятием по получению удовольствия и удовлетворения. Человек обязан быть счастливым, влюбленным, лстящим и льстимым, соблазняющим и соблазняемым, участвующим, динамичным, пребывающим в эйфории... Счастье и удовольствие для человека потребляющего вытесняют принуждение к труду и производству. Современный человек все меньше и меньше времени проводит в производстве и все больше в созидании личных потребностей и личного благополучия. Он должен быть в постоянной готовности актуализировать весь свой потенциал, всю свою способность к потреблению. Если он забывается, то ему мягко напомнят, что он не имеет права не быть счастливым» [б,с.196]. Удовольствие является стилиобразующей ценностью эпохи постмодерна, в апелляции к нему (доставлению, испытанию) строятся многочисленные стратегии – потребительские, рыночные, рекламные, творческие. По замечанию Н.Козловой, удовольствие в ценностном поле рассматривается не просто как желаемая, позитивная эмоция, но как императив, предъявляемый обществом к человеку. Переживаемое удовольствие перемещается в сферу обыденного, повседневного, ценностный порядок общества потребления обязывает индивида испытывать и репрезенти-

ровать это переживание постоянно, а не только в особенных случаях (например, в контексте праздника).

Дискурс удовольствия проникает в повседневность, становится частью речевых, нормативных стратегий. Так, например, одним из краеугольных камней бизнес-стратегий, то, на чем существует идея бизнеса как таковая, является повсеместная демонстрация успеха, процветания. Это форма гедонистического дискурса, когда на вопрос «Как дела?» подразумевается единственный положительный ответ, а из речи фактически удаляются моменты, связанные с неудачей, неудачей (пример того, как дискурс, речь воздействуют на мировоззрение, мироощущение). Глубокое исследование феномена так называемой «американской улыбки», показывает, что она является не просто знаком или ситуативной реакцией, но и определенного рода артефактом, в котором и через который возможна реконструкция всего западного стиля мышления. Улыбка возникает не в силу утилитарной потребности, она является знаком существования, в котором живут, причем, что характерно, знаком далеко не всегда искусственным. Дискурс гедонизма проявляется и в широко демонстрируемых западным сообществом (в частности, американским) феноменов силы, власти, успеха: в них всегда присутствуют и подразумеваются гедонистические моменты (уместно в этой связи привести определение Ф.Ницше: удовольствие есть «плюс чувства власти» [7,с.341]).

В то же время акцентуация удовольствия несёт в себе и неоднозначные стороны, коллизии, как мировоззренческого, так и этического плана. Гедонизация в современном обществе растворяется в повседневности, при этом ценности удовольствия, проникая во все сферы жизнедеятельности, приобретают тотальный характер, нередко переставая восприниматься как нечто особенное или уникальное. Подобно тому, как тотальное проникновение соблазна во все сферы жизнедеятельности приводит к его исчезновению, или же сфера эстетического распространяется до размеров всего окружающего пространства и перестает быть отделимой от обыденного или безобразного, гедонизм оказывается воплощен в пространства обыденной жизни, в политические и экономические стратегии и таким образом растворяется в них, теряя свою сущность. В современном обществе, в частности, исчезает четкое противопоставление труда и отдыха, работы и праздника, а человек оказывается поставлен в ситуацию тотального наслаждения и обязанности его демонстрировать, неотделимую от тотального труда и необходимости непрерывного воспроизводства самого себя.

В этой связи любопытны коллизии гедонизма применительно к российским реалиям. Здесь, помимо всего прочего, имеет место специфический дис-

курс, рассматривающий данную ценность как «корень всех зол», практически полное непонимание и невосприятие его в тех контекстах, которые приняты в западном сознании. Тому есть многие причины: если лозунги молодежной культуры вроде «Бери от жизни все» (создаваемые, впрочем, не ей самой, а масс-медиа) могут вызывать определенные этические и мировоззренческие в своей сути нарекания, то этого нельзя сказать о необходимости отрицательного отношении к гедонизму вообще, связанного с незнанием и неумением пользоваться благами цивилизации со стороны «богатой», имеющей доступ к финансовым и властным ресурсам публики. Последняя должна, казалось бы, воплощать положительную сторону «гедонистического образа жизни», однако на деле вызывает все большее отторжение, переносимое на гедонистические ценности в целом. Речь в данном случае идет о гедонизме в его отрицательных сторонах, о ситуации дефицита смысла и культуры. Гедонизм западного образца отнюдь не исключает последние (как отмечается в статье А.Захарова, основное отличие массового потребительского общества на Западе и в России заключается в том, что первое формировалось на базе развитых гражданских институтов и среднего класса, тогда как в России – на базе государственно-тоталитарных, общинных в своей основе традиций и «низшего» класса [5,с.92]), в российской же ментальности, не в последнюю очередь с подачи православной культуры, данное явление активно противопоставляется ценностям духовности и нравственности. Тем самым консервируясь в своих отрицательных определениях. Немаловажен и тот факт, что в русской культуре гедонистические ценности оказываются представлены крайне слабо, многочисленные образы литературы, например, весьма охотно изображают «страдальцев» - людей неустроенных, жалких, униженных, тогда как образы наслаждения, счастья (либо же в американизированном варианте – успеха, процветания), давались и даются с неизменным трудом (за редким исключением, может быть советского периода, когда вера в коммунистические идеалы оборачивалась вполне гедонистическим ощущением счастья и радости жизни). Проблема гедонистических ценностей в России имеет и определенное психологическое русло, которое может быть рассмотрено как боязнь радости, удовольствия, боязнь открыться миру (Г.Г.Гадамер: «Никогда человеческое бытие не отдается миру так, как в наслаждении» [3,с.196]). Либо же боязнь существования вне трудности, задачи, которые помимо всего прочего, включают работу по их преодолению.

Дискурс удовольствия – один из самых интересных и мало исследованных в истории философии и культуры. Никогда доселе человечество не существовало в настолько комфортных условиях, как теперь, фактически сейчас

мы можем наблюдать сбывшуюся мечту о «земном рае», богатстве и разнообразии жизни. Однако гедонизм и стратегии «удовольствия» вполне могут выступать и тяжким бременем, поскольку предполагают перестройку всех аксиологических, смысловых и этических полей, существование не в рамках задачи или проблемы, но в рамках доступного, относительно беспроblemного бытия. Потребительское общество предъявляет к человеку иные, мало исследованные пока императивы, базирующиеся на решённых проблемах экономики, стандартах существования: тот факт, что они далеко не решены, не свидетельствует о невозможности этого в дальнейшем.

Литература:

1. *Барт Р.* Удовольствие от текста //Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – с.462-518.
2. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. - М.: Добросвет, 2000.
3. *Гадамер Г.Г.* Диалектическая этика Платона. - СПб, 2000.
4. *Жижек С.* 13 опытов о Ленине. - М.: Ad Marginem, 2003.
5. *Захаров А.В.* Массовое общество в России //Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». М.: Гуманитарий, 2003. с.86-101
6. *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. - М.: Ключ-С, 1998.
7. *Ницше Ф.* Воля к власти. – Казань, 1994.
8. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия //Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. –с.382-424.

Е.А. Фаюрина ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

**ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ПО
ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА «LANGMASTER. ENGLISH
ELEMENTS» СО СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА**

На примере учебной программы по изучению английского языка «LANGMaster. English elements» рассматривается эффективность использования компьютерных технологий в учебном процессе. Наряду с очевидными преимуществами рассматриваются и недостатки.

English-learning programme «LANGMaster. English elements» is taken as an example of efficient of usage of computer technologies in educational process. Along with obvious advantages there are also some lacks.

Ключевые слова: компьютерная программа, изучение английского языка, современные технологии, средство обучения

Keywords: computer programme, learning English, modern technologies, means of teaching

Основной целью обучения иностранному языку сегодня является развитие способности студента реализовывать свои знания, умения и навыки для общения на изучаемом языке. Чтобы достичь этой цели, необходимо повышать эффективность преподавания иностранного языка, совершенствовать методику обучения и контроль знаний

Процессы обновления в сфере обучения иностранным языкам в вузе создают ситуацию, в которой педагогам предоставлено право и возможность самостоятельного выбора моделей построения курсов обучения по предмету, учебных пособий и других обучающих средств. Современный преподаватель отказывается от готовых методических "рецептов", жестко регламентирующих деятельность в рамках конкретной методической системы, в пользу анализа современной ситуации обучения иностранным языкам, в пользу эффективного использования новых технологий в учебном процессе. Современные технологии – это, несомненно, компьютерные технологии, имеющие ряд преимуществ перед традиционными методами.

В данной работе мы проанализируем результаты использования компьютерной программы по изучению английского языка «LANGMaster. English elements» со студентами дневного отделения Камского института гуманитарных и инженерных технологий.

Перед началом занятий в компьютерном классе студентам была предложена анкета, целью которой являлось изучение уже имеющегося опыта использования обучающих компьютерных программ и порога ожиданий. Как оказалось, 90 % респондентов никогда не интересовались специальными компьютерными программами для изучения языка, но к занятиям в компьютерном классе отнеслись с интересом: 95 % хотели бы попробовать изучать английский с помощью компьютера. Стоит отметить, что в процессе обучения нами не ставилась цель полностью заменить преподавателя. Компьютер должен был служить как вспомогательное средство, как любое другое техническое средство обучения или учебник.

По итогам занятий, которые проводились в течение семестра, студентам снова была предложена анкета. Обучающиеся оценивали свой прогресс в знаниях и опыт общения с «компьютером-учителем». Удивительно, но 100 % респондентов хотели бы продолжить изучать английский язык с помощью компьютера. Более того, 62 % отметили свои достижения в овладении языком, особенно в области лексики и аудирования. Так в чем же заключается феномен компьютерного обучения и действительно ли этот метод изучения языка настолько эффективен?

Несомненно, компьютер обладает рядом преимуществ: в нем сочетаются видео-, аудио- и текстовая информация, возможность записи собственного голоса и дальнейшей самокоррекции произношения. Компьютер предоставляет огромные возможности тестирования уровня владения иностранным языком или темой без участия или с частичным участием преподавателя, что сократит время проверки результатов. Упражнения возможны самые различные: подстановочные, выборочные, правда-ложь, шаблонные. Например, можно дать задание такого плана: «Внимательно прослушайте реплику и наберите ее в точности, как было сказано». Компьютер проверит правильность ответов в соответствии с шаблоном и запишет результаты в базу данных.

Компьютерное обучение несет в себе огромный мотивационный потенциал. Не только новизна работы с компьютером, которая сама по себе способствует повышению интереса к учебе, но и возможность регулировать предъявление учебных задач по степени трудности, поощрение правильных решений позитивно сказываются на мотивации, что и показали результаты анкетирования.

Нельзя обойти вниманием и исключение воздействия субъективных факторов во время занятий, а именно отсутствие предвзятости к кому-либо из студентов, оценивание ответа на основе четких критериев без сравнения с результатами работы других обучаемых, неограниченное терпение компьютера, неразглашение недостатков работы.

Среди актуальных проблем стоит отметить противоречие между возрастающей ролью и долей компьютерных технологий, повышающих эффективность формирования лингвистической и коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку, и отсутствием научно обоснованной методики организации подобной деятельности. Отсутствуют методические пособия и методические рекомендации для работы с компьютерными программами, преподаватели вузов зачастую информационно неграмотны и не заинтересованы в смене традиционных программ обучения. В целом анализ научных исследований показывает, что несмотря на значительное продвижение, наметившееся в

последнее время в реализации различных компьютерных технологий обучения, в том числе и обучения иностранным языкам, потенциал информационных технологий реализуется в учебно-воспитательном процессе еще недостаточно из-за отсутствия мультимедийных учебных комплексов, алгоритмов их разработки и применения, методических рекомендаций по их эффективному применению.

Но остановимся подробнее на программе «LANGMaster. English elements», которую мы использовали в качестве дополнительного средства обучения наряду с традиционными формами работы в аудитории. Первым положительным моментом данной программы является то, что она рассчитана на изучающих любого уровня. То есть, пройдя первое пробное тестирование, студент сам определяет на каком уровне он будет заниматься. Уровней всего пять: Beginner (0), False beginner (1), Pre-intermediate (2), Intermediate (3), Upper-intermediate (4) (Начальный, Базовый, Базово-средний, Средний, Средне-продвинутый). Начальный уровень рассчитан на тех, кто начинает изучать язык с нуля. Отсюда очевиден психологический комфорт: каждый занимается на своей ступени. Помимо этого, у каждого свой индивидуальный темп и объем усвоения знаний.

Вторым моментом, определяющим интерес к программе, является четкая структура предъявления материала. В содержании каждого уровня расписаны темы и подтемы уроков, причем грамматический, лексический и материал для аудирования дается параллельно. Вспомогательные разделы программы, такие как словарь, грамматический справочник, раздел для тренировки произношения, система RE-WISE для заучивания слов, во многом помогают студентам преодолевать все препятствия на пути овладения языком.

В-третьих, каждое выполненное задание оценивается в процентах, на экране видны все ошибки, допущенные учащимся во время работы, они высвечиваются красным цветом. Таким образом, есть возможность сразу же проанализировать сделанное, а это очень важно. В конце занятия преподаватель смотрит «Lesson summary» (итог проделанной работы), обсуждает с каждым его результаты и перспективы на следующий раз. Кстати, объем заданий, выполненных на компьютере, примерно на треть превышает тот, что был бы сделан на обычном занятии! Кроме этого, положителен и конечный результат. Неудовлетворительных оценок на таких уроках, как правило, не бывает, потому что студенты стремятся получить высший процент, к тому же всегда есть возможность воспользоваться электронным словарем, прослушать задание еще раз; обучающегося, допустившего много ошибок, программа сама возвращает еще раз проверить свои ответы.

Помимо очевидных «плюсов» работы с программой «LANGMaster. English elements» нельзя обойти вниманием и недостатки, выявленные на практике. Среди них злоупотребление компьютерными эффектами и избыточность красок. Данную учебную программу очень сложно адаптировать к традиционному занятию, поскольку темы не всегда соответствуют программе, методическим целям и дидактическим принципам в обучении. Несмотря на наличие пяти уровней, многие студенты, имеющие сильный базовый школьный уровень, пройдя пятый уровень, останавливаются, так как дальше, к сожалению, ничего программой не предусмотрено. Также не хватает видеозаписей, которые бы в значительной степени способствовали повышению интереса у обучаемых.

Подводя итоги, стоит отметить, что проблема качественного обучения всегда была и будет актуальной. Сегодня на рынке труда востребованы интеллектуально развитые, коммуникабельные, конкурентноспособные специалисты, умеющие добывать необходимые знания. Это условие требует от преподавателей поиска и использования в учебно-воспитательном процессе современных обучающих технологий. Наиболее эффективной формой обучения, на наш взгляд, является такая форма, когда процесс обучения тесно связан с активной деятельностью самого ученика. Использование компьютерных технологий на уроках иностранного языка – один из видов такой организации учебного процесса. Компьютерные программы для обучения английскому языку, в целом, и рассмотренная выше и успешно применяемая в вузе «LANGMaster. English elements», в частности, прививают интерес к данному предмету, усиливают мотивацию, способствуют выработке самооценки у студентов, создают условия для самостоятельной работы и комфортной среды обучения.

Литература:

1. Бердичевский А.Л. Оптимизация системы обучения иностранному языку. М.: Высшая школа, 1989.-103 с.
2. Бухаркина М.Ю. Мультимедийный учебник: что это? // ИЯШ. 2001. №4. С. 29–33.
3. Сидоренко А.Ф. Использование компьютерных программ на уроках английского языка // ИЯШ. 2002. №2. С. 41–43.
4. Угольников В.В. Дистанционное обучение с помощью компьютерных технологий // Современные проблемы воспитания и образования: психолого-педагогический сборник научных трудов. Вып. 4. Москва: Альфа, 2002. С. 62–64.

Житомирская С.Г. ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Катышева О.В. ст. преподаватель кафедры инженерной экологии и
технической безопасности
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КАМСКОМ ИНСТИТУТЕ ГУМАНИТАРНЫХ И ИНЖЕНЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье показана динамика групп здоровья студентов НОУ ВПО «КИГИТ» с 2008 по 2011 гг. Указаны причины ухудшения здоровья студентов. Показана работа по популяризации здорового образа жизни среди студентов.

The dynamics of students' health groups of the Kamsky Institute from 2008 to 2011 are presented in the article. The reasons of the deteriorating of students' health are shown. The work on popularization of healthy lifestyles among students is revealed in the article.

Ключевые слова: здоровьесбережение, здоровье, группы здоровья, мониторинг, здоровый образ жизни.

Keywords: saving of health, health, health groups, monitoring, healthy lifestyle.

В настоящее время в мировоззрении российского социума происходят качественные изменения, которые характеризуются формированием осознания приоритета ценности здоровья человека. Подтверждением этого являются государственные концепции и нормативные акты, в которых на правовом уровне отражены первостепенные задачи и стратегии государства в области сбережения здоровья населения России.

В 2010 учебном году в КИГИТ был разработан макет программы по здоровьесбережению для студентов дневной формы обучения, т.к. в течение продолжительного периода времени наблюдается тенденция к ухудшению состояния их здоровья, в то время как общество нуждается в активных, здоровых, творческих личностях, готовых реализовывать себя во всех жизненных сферах, в первую очередь – в профессиональной деятельности.

Преподавателями физкультуры совместно с медицинским работником КИГИТ проводился мониторинг состояния здоровья студентов 1-3 курса дневной формы обучения в период с 2008 -2011 год в целях определения по группам

здоровья: основная, подготовительная, специальная. Динамика состояния уровня здоровья студентов по группам представлена в нижеприведенной таблице.

Таблица 1

Динамика состояния уровня здоровья студентов в период с 2008 г по 2010 по группам здоровья

Процентное соотношение групп здоровья студентов			
Группы здоровья студентов	Год		
	2008-2009	2009-2010	2010-2011
Основная группа	81,7	63,3	73,2
Подготовительная группа	7,9	10,6	13,4
Специальная группа	7,3	10,6	7,3
Освобожденные студенты от занятий физкультурой от 1 до 5 месяцев	1,1	4,1	1,2
Освобожденные студенты от занятий физкультурой до 1 года	2,0	14,4	4,8

По сравнению с 2008 годом процент основной группы упал на 8,4 %, что является низким показателем среди высших учебных заведений. Численность студентов с подготовительной группой увеличилась на 5,5 %, что говорит о том, что заболеваемость среди студентов растет в нашем институте. Количество студентов со специальной группой не изменилось, но осталось довольно высоким показателем среди высших учебных заведений страны. Развитие ситуации в указанном направлении обусловлено тем обстоятельством, что количество студентов специальной медицинской группы за последние пять лет увеличилось с 10 до 20-25% (в КИГИТ составляет 20 %), в некоторых вузах достигает 40% и по прогнозам к 2010-2011 годам приблизиться к 50 % от общего количества студентов. Суммарный показатель количества студентов освобожденных от физкультуры и со специальной группой здоровья вырос на 20%, при этом наибольшее изменения в сторону увеличения произошло в 2009-2010 учебном году, до 30 %.

Причины ухудшения здоровья студентов имеют комплексный характер, включающий в себя влияние таких факторов как генетическая предрасположенность, среда обитания, развитие системы здравоохранения, и основным критерием является образ жизни молодежи.

Образовательный процесс в высшей школе сопровождается высокой интенсивностью труда, требует значительного интеллектуального и психо-

эмоционального напряжения. Это может способствовать развитию психосоциальной дезадаптации и возникновению различных заболеваний как у студентов, так и у преподавателей. В существующей системе образования вопросам сохранения и улучшения состояния здоровья и формированию мотивации на здоровый образ жизни уделяется недостаточное внимание.

Для успешного решения данной проблемы требуется более профессиональный подход, включающий совместную деятельность органов здравоохранения и воспитательно-образовательной сферы. Это ставит перед руководством вуза задачу разработки новых методологий и технологий.

В течение последних лет исследователи обращают внимание на необходимость сохранения и укрепления здоровья студентов, одновременно указывая на ряд трудностей, к которым относят: специфичность и широкий спектр представленности данной социальной группы (гуманитарные и технические вузы, срок и форма обучения и т.п.); динамичность факторов риска и их зависимость от региональных условий; труднодоступность данных официальной статистики и др.

Следствием подобной ситуации можно считать фрагментарность научных изысканий, а также отсутствие единой комплексной программы исследований. Это, с одной стороны, не позволяет своевременно выявлять общие и специфические факторы риска, а также особенности социально-гигиенических и медико-биологических характеристик, непосредственно влияющих на состояние здоровья студентов.

Исходя из вышеизложенного материала необходимо продолжить работу в КИГИТ в направлении популяризации здорового образа жизни среди студентов и профессорско-педагогического состава института, для решения следующих задач:

1. Проведение мониторинга состояния здоровья участников образовательного процесса.
2. Выделение доминирующих групп заболеваемости студентов. Разработка методов к их снижению в институте.
3. Организация комплекса мероприятий по сохранению здоровья студентов, преподавателей и сотрудников вуза.
4. Внедрение здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс.
5. Формирование мотивации здорового образа жизни.
6. Организация волонтерского движения в вузе по пропаганде здорового образа жизни.

Работа в направлении здорового образа жизни является приоритетной на кафедрах Гуманитарных дисциплин, Инженерной экологии и техносферной безопасности и рассчитана на 5 лет внедрения в образовательную систему НОУ ВПО «КИГИТ».

А.В.Емельянов канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

ТРЕНДЫ КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу трендов, рассматриваемых как способы структурирования социальной реальности. Проводится социокультурный и лингвистический анализ понятия тренда, примеры использования данного понятия при анализе ряда артефактов современной российской действительности.

The paper analyzes the trends considered as a method of regulating of the social reality. Carried out the socio-cultural and linguistic analysis of the concept «trend», usage examples of this concept in the analysis of a number of artifacts of modern russian reality.

Ключевые слова: тренды, языковая игра, ценностные структуры, советские артефакты, православие, модернизация.

Keywords: trends, language game, value structures, soviet artifacts, orthodoxy, modernization.

В настоящей статье речь пойдёт о трендах – новом понятии, недавно вошедшем в обиход русского языка и постепенно утверждающемся. В тренды вкладывается широкий спектр значений, как полагают, например, создатели сайта trended.ru, это всегда «идеи и новинки, которые возможно в будущем станут обыденностью, то есть привычной частью нашей жизни» [8]. С нашей точки зрения, данное понятие можно использовать в контексте установления форм складывания социальности, тех тенденций, которые естественным образом возникают и формируют ценностную структуру. Предварительно имеет смысл также провести своеобразную интерпретацию данного понятия, те методологические основы, которые могут быть положены в его основу.

Как известно, метод философствования, заложенный Платоном, предполагает эссенциализм – развёртывание смысла понятия до прояснения его сути, тщательное исследование функционирования понятия в языке, анализ его оттенков, смыслов и т.д. К.Поппером в рамках постпозитивистской методологии предложена его критика, разграничивающая, по мнению автора, подходы науки и философии: наука идёт обратным путём, сворачивая универсум языка до понятия, т.е. сокращая, уточняя, структурируя языковой спектр. Примером первого подхода, в духе платоновской методологии, является прояснение сути понятия «ще-

нок», придавания ему ряда определений (например, щенок - это молодой пес), рассуждений о сути «щенячести» и т. д. Примером другого – антиэссенциалистского метода, является, по мнению Поппера, тот факт, что науке совершенно неинтересно, и бессмысленно раскрывать, что такое щенок «на самом деле», она не занимается философскими сущностями, гораздо прагматистски эффективнее (и правильнее) брать универсум значений, предполагая при этом, что он уже известен и не вызывает разночтений, и из этого универсума выводить уже конкретные понятия [7, с.22].

И тот, и другой ход рассуждений необходимо иметь в виду, используя общие философские методы подхода и анализа реальности. Как гласят постулаты аналитической философии, любые, и в первую очередь философские построения представляют собой те или иные модели языковой игры, и к ним нужно применять, или по крайней мере никогда не упускать из виду логические законы. Существуют и иные формы ограничений – например, антропологические, визуальные, телесные, в которых ставится заслон языковым играм и которые предполагают совсем иную реальность (как выразился бы Г. Райл, понятия тела, визуальности и языковой игры принадлежат к совершенно разным слоям анализа [3, с. 32]). Тем не менее, имеет смысл применять и чисто платоновские ходы к анализу современных артефактов реальности, воссозданию и реконструкции социального мира. Одним из таковых может являться заявленный в заглавии анализ понятия тренда.

Тренд – слово, которое в настоящее время используется в самых разных дискурсах, от экономических до культурологических, при этом его смысл оказывается довольно расплывчатым. На наш взгляд, представляет интерес исследовать то, как рождается смысл понятия, и почему он становится именно таким.

Изначально тренд – это термин, взятый из статистики, буквально оно обозначает «тенденцию». Довольно часто в этой связи (и это по логике более корректно) речь идёт об экономических, биржевых трендах, например, стоимости активов какой-либо компании, стоимости именно данного вида товаров или данной их марки, тенденции, складывающейся в биржевой игре. В указанном виде тренды имеют ещё и универсальное финансовое измерение. Однако, как показывает практика, слово может обозначать не только и не столько это. Оно применяется, например, к искусству – интерес к данному виду пластики или живописи, к данному художнику, к данному направлению музыки, к данным оттенкам (тренд на рэп, тренд на данный вид басов в электронной музыке). Социальные тренды – например, безбрачие, или многодетность, или андрогинность, тренд на выставление бедности, равенство (обитатели Рублевки, сидящие на лужайке со студентами), тренд на влечение элиты к искусству (модные просмотры

модных артхаусных фильмов). Тренды в политике – сильный лидер или например, демократичный, вечный тренд Америки на демократию, а исламских стран – на неопределённость и прямолинейность.

Можно убедиться, проанализировав спектр данных определений, что трендом может называться всё что угодно – привычка, тенденция, желание, интерес и т.д. Понятие тренда в каком-то смысле созвучно и вытекает, коррелирует с базовым концептом постмодерна – понятием желания: узнать, что такое некая структура, образование – это значит понять, деструктурировать динамику соответствующих желаний (Ж. Лакан). Тренд всегда вытекает из желаний, намерений, позитивно складывающегося порядка, оно выражает определённый род социальных стремлений и интересов. Есть аналоги тренда и с понятиями престижа, моды, мейнстрима, особенно с последними двумя; тренды – это довольно часто что-то «модное», «ведущее», «доминирующее», однако опять-таки не всегда и не во всех случаях. Скорее, тренд выражает тенденцию, возникающую и набирающую обороты, относящуюся к самым разным формам социальной жизни.

Для выявления источников возникновения трендов целесообразно прибегнуть к концепту коллективного бессознательного – юнговского термина в его буквальном прочтении. Тренды – это некие социальные новообразования, подчиняющиеся логике коллективного бессознательного: никто тренды специально не создает (не создаёт во всяком случае преднамеренно, именно с целью его функционирования в таком качестве), тренд бессознательно осознается и начинает жить, руководствуясь законами социальности, повседневности – разделяемыми носителями смыслами, при этом разделяемыми добровольно и произвольно. Есть некая аналогия тренда и культового фильма – последний его создатели, как правило, никогда не планируют как культовый, эта структура естественным образом складывается. Логика тренда – это логика коллективного бессознательного, равно как к нему же относится и само артикуляция этого понятия – его интуитивно начинают применять. Связано это отчасти с неопределённостью картины мира, с тем фактом, что многие социологические концепты в условиях постсовременного общества перестают работать (например, понятие социального закона, нормы и др.)

Для проявления сути явления целесообразно рассмотреть и оппозиции данного понятия. Что не является трендом? Возможен тренд на самоубийство (в духе соответствующих «клубов» или дискурсов), но нет тренда на смерть, последняя сопротивляется включению в трендирование. Невозможен тренд на войну, на терроризм – последние де-факто имеют место в современном мире, однако это не тренды, а явления. Неверно было бы сказать, что тренд стремится включить в себя всё позитивное, отбрасывая разрушительное – есть достаточное количество

трендов, где именно негативизм оказывается в приоритете (различные неформальные объединения, или типы контр-искусства). Любой уклон, отклонение могут быть рассмотрены как негативное, но не все из этого включится в логику тренда. Тренд сродни моде, привычке, тайному влечению, он доставляет если не удовольствие, то норму, ориентирован на норму; даже там, где норма нарушается, она предполагается. Тренд символизирует утверждение социальности, её спаянность (тренд всегда социален), он как бы раскладывает социальность на ряд составляющих. Тренд противоположен хаосу, хотя можно говорить о хаосе трендов.

Посредством понятия тренда в настоящее время можно говорить о складывании социальности: тех привычек и обыкновений, которые утверждаются и приживаются, о способах социальных взаимодействий, рождающихся структурах. При этом социальное утверждение может приобретать самые неожиданные эффекты, социальные структуры посредством логики тренда развиваются и обнаруживают себя в новом качестве. В качестве примеров таких трендов нами будут рассмотрены три образца: тренд на советское, православие и модернизацию. На наш взгляд, они весьма показательны и хорошо иллюстрируют те ценностные структуры, которые характерны в настоящее время для российского менталитета, которыми наполняется довольно большое количество артефактов, и которые имеет смысл рассматривать именно через это понятие.

Тренд на советское.

По прошествии 20-ти лет существования новой России можно сказать, что к интерес к теме советского не только не исчезает, но разрастается с новой силой. Отчасти это объясняется тем, что возникает потребность по-новому осмыслить предшествующий и уже навсегда пройденный опыт, отчасти тем, что в активную жизненную фазу вступает поколение, чей возраст формирования пришелся на поздний советский строй, особенно 80-е гг., когда уже повсюду имела место вольница, страна в бытовом и технологическом отношении была уже достаточно развита, чтобы обращать внимание на идеологические постулаты, на основе которых она возникла.

Тренд на ностальгию по Советскому Союзу можно рассматривать с разных сторон, приводить различные детали. Наиболее интересным здесь, на наш взгляд, будет не столько объективные тенденции ностальгии старшего поколения, которое застало советский строй в полном объеме, сколько представления молодого: поскольку соответствующие практики советского строя, не воспроизводясь непосредственно и теряя часть своей реальности – так, как они были в действительности представлены, начинают жить новой жизнью в сохранившихся в изобилии артефактах. Последние могут быть какими угодно – музыкой, фильмами, значками, старыми сохранившимися книгами и т.д. Советский строй рождался

как поколение, завоевавшее себе место под солнцем в упорной борьбе с врагами, находящееся под давлением и в состоянии войны со всем миром – в новой реальности все эти артефакты вполне элементарно могут быть восприняты, но в ином качестве, переведёнными на свой собственный язык «поколения next».

Не так давно интернет-сообществом был отмечен невиданный интерес к ролику «Мистер Трололо»: в изначальном смысле изображавший человека, гордящегося своей страной, возвращающегося домой и обзревающего родные просторы. В «новой жизни» в этом ролике увидели бесшабашного увальня, скрывающего то, что он хотел сказать, и сам факт этого сокрытия, тайны породил странный интерес, огромное количество подражаний, явился прекрасной иллюстрацией функционирования мифологии. «Мистер Трололо» отнюдь не являлся характерной песней для исполнителя Эдуарда Хиля (превратившегося в Эдварда Хилла), по его собственному признанию, он сам не знает, как относиться в незапно скатившейся славе, и «слава» ли это? Ситуация с роликом как нельзя лучше иллюстрирует эффекты интернета: те или иные информационные продукты могут до поры до времени оставаться в забвении, в виртуальной реальности, и вдруг обрести лавинообразную природу, так функционируют в настоящее время информационные потоки.

Появившийся относительно недавно сервис «youtube» дал возможность воспроизведения самых разных роликов, видеозаписей. Вообще можно сказать, что вновь появляющиеся тенденции интернета возникают столь стремительно, что порой не успевают осмысливаться и анализироваться: ещё в конце 90-х о сети говорили как о собрании «виртуальной макулатуры» и порнороликов, в настоящее время всё это отнюдь не исчезает, но дополняется и изменяется новым содержанием. Интернет по-прежнему остаётся областью, мало поддающейся структурированию и относительно стабильностью структуры. Вышеназванный сервис и многие другие похожие породили тенденцию к просмотру старых клипов, музыки, телепередач: если последние, просмотренные даже один раз в своё время, были невоспроизводимы по воле и желанию человека, медиа в советское время были монополизированы, то интернет в настоящее время дал возможность переосмысления старого опыта, его ретрансляцию. Так, например, нередки дискуссии на темы, кто конкретно написал ту или иную песню (конец 80-х породил неплохой пласт музыкальной культуры, как на Западе, так и в СССР), сколько в действительности колесило по стране «Ласковых маев», «Фристайлов» и т.д. Многие части того опыта оказались воспроизведёнными и повторёнными в новом качестве. Тенденция к ретрансляции (её можно было бы назвать тенденцией «ре-»: рефлексии, реструктурирования, римейка) в настоящее время в значительной степени превалирует над созданием новых артефактов, что проявляется в много-

численных перевоспроизведениях песен, фильмов, стремление перевести старые смыслы в новое качество.

«Советское – значит лучшее»: так звучит один из слоганов, по мнению, некоторых блогеров, набирающий обороты. Для анализа тренда здесь целесообразно привести ряд цитат участников различных интернет-обсуждений, блогов и т.д. Вообще, необходимо отметить, что интернет в настоящее время предоставляет огромные почвы для репродуцирования смыслов от разных социальных агентов; последние слабо поддаются типологизации, критерием отбора авторов форумов, блогов может стать лишь смысловая составляющая речи, внутренняя заинтересованность. Так, например, один из блогеров пишет: «Есть совершенно понятный и мощный тренд - ностальгия по СССР. "Крутится" широко и достаточно грамотно в СМИ. С реальностью СССР он соотносится очень отдаленно - как в 90-х стенания о России, которую мы потеряли мало соотносились с реальностью царской России. И есть производитель колбасы, который сделал маркетинговый ход с "рецептом 1947 года". Не есть бог какая гениальная задумка, но сработает. Как работают традиции "чешских пивоваров" и т.д.» [11]

Ностальгия по советскому рассматривается как ностальгия по лучшему, предсказуемому, устойчивому и др. Отчасти это объясняется тем, что советский строй предполагал некую монолитность, неизменность, существование тоталитарного общества сопрягалось с ограничением информации, её дозированием, цензурой, а это предполагало, в свою очередь, большие возможности её обобщения, систематизации. Люди, сформировавшиеся в советское время, привыкли верить газетам, книгам: по их представлениям, то, что напечатано, является истиной. В любых областях, в первую очередь в гуманитарной сфере, существовала тенденция на некую единую теорию, ориентированность на тот факт, что истина достижима, единственна и т.д. Современное информационное общество движется в обратном направлении: информация всё более разнообразится, разукрупняется, разбиваясь на множество массивов локальных смыслов. Однако это у многих людей, напротив, вызывает тягу к единственности, образцам законченности, доказанности. Прообраз СССР даёт тот импульс (вернее, он не забывается), который удовлетворяет данную потребность.

Тренд на советское, и вообще атрибуты социалистических порядков, что характерно, не является прерогативой лишь стран бывшего СССР. Так, например, К.Максимова в этой связи пишет: «Вирус ностальгии по социалистическому прошлому распространился на Запад. В Германии, например, эта эпидемия длится уже не первый год. И оставляет на карте страны множественные «советские родинки» [4]. Журналистка отмечает, что речь идёт о многочисленных артефактах: русских дискотеках, еде, сувенирах, что порождает своеобразный феномен

«остальгии»; как свершившийся факт считается то, что туризм под названием «back in the USSR» является одним из самых модных и распродаваемых в Германии.

Упоминая о советских трендах (и в целом о тенденции на советское, рассматриваемом как важная часть духовного социального опыта в настоящее время), необходимо выделить и ещё одну особенность: столь часто упоминаемую тягу по «сильной руке», как правило, ассоциируемую с фигурой И.Сталина. Можно по-разному относиться к этому феномену, однако анализ высказываний разных людей позволяет исследовать те грани, в связи с которыми возникает это явление, формы рефлексии советского опыта. Их можно проиллюстрировать, например, цитатой из блога Эль Мюрида: «Существует такой весьма серьезный тренд на мифологизацию сталинского и советского вообще времени. И трава была зеленее, и девки толще, и порядка больше. Значительно меньшее число людей задумывается над вопросом - а почему это было так... Вчера произошло убийство полковника Буданова. Все оценки крайние - а там где крайние оценки сходятся, там раздаются угрозы, я тя найду, умоешься кровью и прочие пацанские интернетные разборки тех, кто тяжелее клавиш в руках мало что держал... Так вот. Я скажу, как выглядела бы ситуация при Советской власти, а уж желающие могут сравнить с сегодняшним днем... Что произошло бы после убийства чеченской девушки полковником Советской Армии? В военное время никаких разборок, сантиментов и долгоиграющих процессов с исследованиями душевной организации, депрессии или хронической усталости полковника безусловно бы не было. Военный человек должен стойко переносить тяготы и лишения. Устав - Закон. И поэтому - трибунал, караульный взвод, яма метр на два, залп. Звание, ордена, заслуги - всё в сторону... При советской власти героями были те, кто ими был. А те, кто оступался и порочил Советский строй - какими бы чинами, званиями и прошлыми заслугами не обладали - шли без жалости под нож. Этим она и держалась, Советская власть. Правдой. Одинаковой для всех. А когда правд стало много - и для каждого своя - вот тогда у нас и наступила свобода и демократия» [13].

Советский, и в целом коммунистический тренд в современном мире, по мнению С.Жижека, отнюдь не исчерпал себя. Более того, он может обрести новыми смыслами, желанием копать, разбираться и т.д. Жижеком в работах проводятся нестандартные интерпретации: например, связи диалектического материализма с психоанализом, последних – с политическими тенденциями настоящего, религиозными статусами постсовременного мира. Одной из знаковых фигур, по мнению автора, является фигура Ленина: можем ли мы что-то нового сказать об этом деятеле, внёс ли он что-либо, на что следует обратить внимание, какое оказывает влияние именно на современный мир и т.д. [2, с.5] Всё это, без-

условно, определяет специфику советских трендов и их идеологическую подоплёку.

Советский тренд – опыт определённого духовного единства, смыслов понятных, разделяемых. В современной России этот тренд накладывается на иную тенденцию – распространения православных ценностей, которые нередко выступают (или претендуют на такой статус) в качестве адекватной замены ушедших в прошлое социалистических идей.

Тренд на православие.

Автор данной статьи однажды был свидетелем примерно такого высказывания одного республиканского чиновника. «Ну, мы ведь люди подневольные, что начальство скажет, тут мы и так. Во времена моей молодости мы были атеистами, религию тогда критиковали. Потом, с перестройкой, реабилитировали, и мы вроде как даже креститься начали, сперва неумело. Ну а сейчас, это даже мода, и по долгу службы: все в церковь ходим. А как же без этого: это необходимо, духовность, возрождение». Как представляется, эти слова, взятые произвольно на одной из пресс-конференций, как нельзя лучше иллюстрируют статус и роль православия как религии в новой России, во всяком случае, вскрывают ряд глубинных форм этой тенденции: как явления в известной степени произвольного, бессознательного и во многом специфически российского.

Прежде всего, необходимо отметить, что религия в целом сопротивляется той логике, обозначенной во введении, с которой ассоциируется, или для которой вводится понятие тренда. Интерес, мода, желание, обыкновение – все эти признаки слабо коррелируют с формой происхождения религиозных идей, последние отталкиваются от иных ценностных детерминант. Между логикой свободы и необходимости упор делается скорее на последнее: церковь – это то, что является вынужденно необходимым (даже если паства этого не понимает и не хочет), это форма поддержания духовности, имеющая вековую природу. Как отмечает один православный журналист, православие с его богатым историческим контекстом плохо вяжется с модой, «мода на православие – это такой же смысловой оксюморон, как например, «сухая вода» [3]. Тем не менее функционирование православной идеологии, и в целом церкви в современном, причём именно в западном обществе (имеющем в своём багаже богатство секуляризационных объяснений религии – от Фрейда до Бодрийера) волей-неволей переходит на иные рельсы, связанные теми же детерминантами социальности, к каковой относятся и тренды. Один современный деятель в этой связи заметил, что церковь в современных рыночных условиях – это точно такая же организация, как «Microsoft», «Газпром» или «ОАО «РЖД».

С крушением социалистического строя именно церковь становится одним из каналов, вобравшим в себя те функции, которые несла в себе коммунистическая идеология. Прежде всего, речь идёт о массовых смыслах, формах поддержания коллективной духовности, этических координатах, имеющих опять-таки массовую, универсальную природу. Церковь утверждается и визуально, пространственно: как отмечается в исследовании А.Ханютина, в своё время культ Ленина породил огромное количество памятников, сравнимых по численности с количеством дореволюционных православных храмов [12]; в настоящее время наблюдается обратная тенденция: активно во всех городах, и примерно по одной и той же технологии, в одинаковых местах возводятся храмы, часовни, утверждается прочая символическая атрибутика. О православии нередко говорят как о параллельной власти, «государстве в государстве», религия остается ретранслятором массового духовного опыта, причём, что характерно, не обязательно религиозного (феноменология религии в современном мире строится преимущественно вокруг этических, смысловых координат, но отнюдь не всегда здесь затрагивается вера в бога как таковая).

Православный тренд в известной степени создаётся искусственно, отчасти это связано с его массовостью, обязательностью как данью традиции и др. Однако в рамках логики тенденций важно выделить те смыслы, которые стихийно возникают, форма появления которых непреднамеренна и подчиняется ориентации на желание, стремление. Это видно, в частности, на примере языковых интерпретаций, тех языковых форм оформления мира, в которых участвуют и религиозные символы: последние приобретают иное значение, когда возникает потребность проговорить критические обстоятельства, непонимание каких-либо событий и т.д. Как отмечается, в частности, представителями аналитической философии, формы обращения к Богу, будь то исповедь, молитва или религиозный разговор, являются вариантами языковой игры [10], и именно в них стоит искать место и топос религии в современной социокультурной ситуации.

Авторы статьи «РПЦ эпохи потребления» утверждают, в современных условиях церкви волей-неволей приходится формулировать и выработать те правила игры, которые создаются независимыми от неё канонами постсовременного общества. Это касается и идеологии, и форм её подачи, и тех идей православия, которые в разные эпохи оказываются по-разному артикулированными (общеизвестным является тезис о том, что Библия – это книга, из которой можно извлечь самую разную, и зачастую логически противоречащую друг другу информацию). В статье констатируется, что православие в настоящее время естественно складывается и тяготеет к трем основным тенденциям [1]:

1. Уранополитизм: формы миссионерской деятельности, пропаганды, претендующие на «чистое видение», несмещение религиозных смыслов с какими-либо другими, по форме напоминающими раннее христианство. Религиозность здесь настаивает на себе самой.

2. «Политическое православие»: церковь по принципу «государства в государстве», когда священники, иерархи не гнушаются политических риторик, слов о связи церковной духовности с актуальными проблемами общества, ориентируются на тренды, предлагаемые властью, и ею же поддерживаемые (патриотизм, осуждение аборт, ценности семьи и т.д.)

3. «Гламурное православие»: в наибольшей степени приближённое к стандартам общества потребления, с присущими ему ориентациями на удовольствие, моду, свободные волеизъявления. Гламурное православие (в некоторой степени его хорошо олицетворяет о. Иван Охлобыстин - священник, являющийся «по совместительству» режиссёром и шоу-меном) создаёт свои тренды, идёт ли речь о православной моде, фитнесе или формах роскоши.

Характерно, что авторы упомянутой статьи, анализируя все три случая, настаивают на перспективности именно последней формы: «гламурное православие» рассматривается как «наиболее вменяемое эпохе потребления, задачам продвижения европравославия, тренда на святость, на счастье, на успешность. Наименее «отыгранное» - точнее, вовсе не отыгранное» [1]. В настоящее время в средствах массовой информации это нередко обыгрывают и подчеркивают соответствующие слоганы: «Батюшка едет на хорошей машине? И слава Богу»; «Это раньше люди ходили в церковь. Теперь церковь идёт к вам!». [14]

Если православие – тренд в известной степени консервативный, отдающий дань традиции (и нацеленный на эту традиции, наряду с трендом на советское), то в обществе имеют место и противоположные тенденции. Обобщенно их можно было бы обозначить «трендом на модернизацию», понимая при этом весьма широкое определение и хождение данного слова.

Тренд на модернизацию.

Это, пожалуй, один из самых модных и широко обсуждаемых трендов в современной российской действительности, он имеет широкие политические и экономические корни, формы преломления. О модернизации говорят в самом широком смысле – модернизации отраслей экономики, введении новых технологий, модернизации образования, мышления и др. Однако, на наш взгляд, имеет смысл затрагивать и ряд гуманитарных аспектов модернизации - как естественного складывающегося фона, тенденций, которые отражаются в мышлении и через которых они интерпретируются.

Можно заметить, что модернизация как ориентация на обновление, «осовременивание», является не новым и не специфически характерным состоянием, состоянием именно теперешней российской действительности. Историки бы сказали, этот процесс насчитывает без малого три столетия: начиная с реформ Петра I, когда был взят тренд на вовлечение России в общеевропейский поток. С этого времени в разные исторические периоды в той или иной степени имели место схожие процессы по логике их организации: вхождение России на равных в европейскую политику, создание новых типов промышленности и сельского хозяйства (при Сталине), вхождение в европейскую систему прав и обязанностей граждан (свержение крепостного права при Александре II), освоение новых хозяйственных методов (при Столыпине) и т.д. Модернизация может рассматриваться (и рассматривается) в этой связи не столько как реальные процессы освоения чего-то нового, сколько сама нацеленность на это освоение, констатация некой вторичности российских реалий по сравнению с общемировыми, и в первую очередь западными.

Модернизация – в известной степени мультиконтекстуальное слово, и это часто всплывает в разных дискурсах. Собственно, модерн, modernity означает новое, нахождение «со временем» (Ф.Лиотар). Соответствующий корень данного слова широко применяется в самых разных контекстах и дискурсах – от искусствоведческих, где модерн – это тенденция складывания эстетических форм, социологи и философии (общество модерна), и до экономических и государственных, где модернизация мыслится как привлечение современных технологий, средств производства и т.д. В современном обществоведении по-прежнему в качестве эталона измерения состояния общества используется триада «традиционное общество-модерн-постмодерн», соответственно, в разных дискурсах это лингвистически обыгрывается. Однако констатация модернизации России означает одновременно рефлексию пребывания в некоем состоянии традиционности, тогда как постмодернизация – слово, артикулируемое скорее в весьма узких кругах образованной и начитанной публики, нежели чем с точки зрения реальных социальных детерминант (один из предикатов данного понятия остроумно сформулирован С.Жижекком: «Обойдёмся без секса - мы же пост-люди»).

Р.Пайпсом отмечается, что модернизацию следует понимать в широком и узком смыслах. «Узкий смысл предполагает внедрение в доиндустриальных обществах современных технологий – в частности, производственных технологий, средств массовой информации или электронной коммуникации. Всё остальное при этом остаётся практически нетронутым. Модернизация в широком смысле означает преобразование сельского аграрного общества в городское и индустриальное вместе со всеми сопутствующими изменениями, касающимися культуры в

целом. Среди этих изменений подчинение государства влиянию общества, верховенство права и признание широкого спектра гражданских свобод» [5]. По мнению Пайпса, в риториках российских политических деятелей, в особенности президента Медведева, это слово стало с определённого времени использоваться особенно часто, многие заговорили о «подзабытых» понятиях свободы, открытости, обновления. Однако понятие функционирует по тем же логикам языковой игры, часто меняя широкий и узкий смыслы. Так, модернизация может пониматься как «престиж Отечества и национальное благосостояние», «новая более высокая ступень развития цивилизации», в то время как в других выступлениях она связывается с преемственностью, тем фактом, что «модернизация должна основываться на эффективности, на внутреннем желании людей меняться» [5].

Рассмотренные примеры иллюстрируют процессы возникновения трендов – тенденций, которые являются ключом для понимания структур социальной реальности. Трендов возникает в настоящее время огромное количество и разнообразие (и они воспринимаются именно как тенденции – в этом отличие данного слова, например, от социального закона, правила, нормы, порядка и т.д.). Не меньшее значение имеют формы языковой интерпретации событий.

Можно было бы сказать, что тренды являются неким промежуточным словом между теми детерминантами социальности, которые носят объективный характер, и многочисленными слоями повседневных форм репродуцирования. Первый случай иллюстрирует тот факт, что общество, например, объективно зависит от энергоносителей, состояния природы, космических факторов, все то, что с ними связано, обладает как бы «сверх-природой» и не подвержено формам манипулирования (в фантастических романах с этой частью реальности поступают именно как с трендом: когда герои заказывают погоду по настроению, стихии подчиняют моде и т.д.). Одним из трендов в настоящее время является космос: огромное количество фотографий, не несущих никакого практического смысла, но прекрасно распродающихся и порождающих своего рода новую волну, сравнимую с 60-ми годами. Объективный характер носят и тенденции макрополитического, макроэкономического характера, которые также сложно назвать трендами – обыкновениями. По другую сторону находятся различные формы повседневности, микровзаимодействий, которые не вырастают в социальные тенденции, но имеют место быть.

Одним из признаков тренда является его центричность, централизованность. Тренды рождаются в столицах, коллективах, в претендующих на роль лидера мнений, идёт ли речь об индустрии моды или тенденциях автомобилестроения. В известной степени тренды создаются и подхватываются средствами массовой информации. Трендом не будет являться событие или даже тенденция рай-

онного масштаба, тренд всегда ориентирован на всеобщность, подразумевает его восприятие, схватываемость и поддержание максимальным числом социальных носителей.

Одной из ключевых работ, посвящённых значимости изучения трендов, является вышедшая в 2007 г. книга американского социолога М.Пенна «Микротенденции». По мнению автора, при планировании каких-либо действий в любых сферах – от экономических до политических – нельзя упускать из виду микротренды: тенденции, характерные для небольших групп населения или в небольших областях. Если в какой-либо области тренд набирает даже 1% участников, это могут быть десятки и сотни тысяч людей, вполне способных объединиться благодаря современным средствам коммуникации. М.Пенн приводит экзотические примеры: дети-вегетарианцы, подростки, увлекающиеся вязанием, женщины священнослужителя и их мотивы, одинокие владельцы собак и т.д. Как замечает М.Пенн, «в сегодняшнем массовом обществе требуется, чтобы лишь 1 % населения совершил осознанный выбор, лежащий вне русла господствующей тенденции, и возникнет движение, способное изменить мир» [6, с.5].

По мнению Пенна, в настоящее время не имеет смысла говорить о глобализационных процессах – универсализирующих формах, объединяющих всё человечество. Гораздо более продуктивным является изучение специфических форм: мир, несмотря на глобальные процессы, оказывается, разбит на сотни и тысячи маленьких миров с присущими им трендами, привычками, и способный благодаря сети интернет объединяться именно таким образом. Это определённым образом влияет и на рыночные тенденции: люди естественным образом создают ниши спроса на товары, соответствующие этим увлечениям, эти ниши учитываются маркетинговыми политиками.

Подводя итог, можно сказать, что посредством понятия тренда можно выявлять социальную картину общества, рассматриваемую как совокупность движений, увлечений: чем их больше и разнообразнее, тем полнее оказывается представленная картина. Способы анализа социальности предполагают выявление тенденций, придавания им социального смысла, связи трендов с формой самопредставления общества и отдельных его сторон.

Литература

1. Бражникова Я., Хаськович И., Бражников И. РПЦ эпохи потребления// URL: <http://pravaya.ru/look/17591>
2. Жижек С. 13 опытов о Ленине. - М., 2003.
3. Легойда В.Р. О моде на православие // URL:<http://www.pravmir.ru/o-mode-na-pravoslavie/>

4. Максимова К. Модный тренд: все ушли «нах остен» // URL:<http://www.vmdaily.ru/article/123686.html>
5. Пайпс Р. Смысл слова: Модернизация в узком смысле // URL:<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/19/231672>
6. Пенн М., Кинни Г. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. – М., 2009.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. – М., 1992
8. URL:www.trended.ru.
9. Райл Г. Понятие сознания. – М., 1999
10. Руднев В. Словарь культуры XX века // URL:http://rudnevslovar.narod.ru/k3_11.htm#ling
11. Советское – значит лучшее // URL:<http://www.livejournal.ru/themes/id/19284>
12. Ханютин А. Зеркала русской революции // Вокруг света. 2010. №4.
13. Эль Мюрид. Полковник Буданов. Взгляд из прошлого // URL:<http://www.newsland.ru/news/detail/id/719212/>
14. Батюшка едет на хорошей машине? И слава Богу // Комсомольская правда. - от 10.11.2011. – с.8

Чиркова Г.П., канд. пед. наук, доцент кафедры ГД
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье рассматриваются особенности преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Предлагаются инновационные технологии обучения студентов речевому общению на профессиональные темы.

Peculiarities of teaching foreign languages in the not - language higher educational institution are considered in the article. Innovative technologies of speech communication on professional subjects in the process of students' training are offered.

Ключевые слова: иностранные языки, методика, неязыковой вуз, инновационные технологии.

Keywords: foreign languages, technique, not - language higher education institution, innovative technologies.

Проблемы, возникающие сегодня перед преподавателем иностранного языка в неязыковом вузе, необходимо рассматривать с учётом того, как согласуется социальный заказ общества (подготовить в короткий срок специалиста, хорошо владеющего иностранным языком), с требованиями учебной программы неязыкового вуза и минимальным количеством часов в действующем учебном плане. Добиться поставленной цели - научить студента в течение ограниченного учебными рамками периода говорить о проблемах своей специальности и понимать речь носителей языка - можно, сочетая традиционные и инновационные методы, но делая решительный упор на принцип коммуникативности как в обучении, так и в построении используемых учебных материалов и учебных пособий. Изучение особенностей устной научной речи должно учитывать новейшие данные психологической и методической науки, с одной стороны, и коммуникативные особенности языка специальности в соответствии с профилем обучения, с другой.

Традиционно обучение иностранному языку в неязыковом вузе было ориентировано на чтение, понимание и перевод специальных текстов. Сейчас необходимо думать о перемещении акцента в обучении на развитие навыков речевого общения на профессиональные темы и ведения научных дискуссий. Устная речь в учебном виде должна, по-видимому, пониматься как понимание и репродуктивное воспроизведение прослушанного или прочитанного в формах как устной, так и письменной. Таким образом, речь идет о реализации речевого акта говорения в процессе устной коммуникации между двумя или более лицами. Запись прослушанного и использование написанного текста как источника устного речевого акта легко осуществимы в условиях учебной аудитории.

Следует заметить, что в обучении устной речи, должны широко использоваться современные дидактические принципы суггестивности, наглядности, использования аудио- и мультимедийных средств и т.д.

Если говорить о системе упражнений, предворяющих устное общение, преподавателю необходимо помнить об их общем построении и дозировке трудностей: от одной трудности в одном упражнении до распознавания схожих по виду явлений, о цикличности повторения изучаемого материала в малых дозах в течение длительного времени, о доведении навыка до автоматизма, об усложнении упражнений и т.п., хотя одним из главных и неперемных условий должна оставаться постоянная коммуникативная ориентированность их на устную речь в рамках конкретных речевых ситуаций учебно-научной сферы деятельности (см.: 8.9).

Работая в неязыковом вузе, преподаватель иностранного языка должен хорошо знать особенности научных и технических текстов по изучаемой специальности и по мере надобности знакомить с ними обучаемых. В первую очередь это наличие специальной терминологии, особой общенаучной лексики, специфической служебной лексики, тех или иных сложных грамматических конструкций.

Основой для обучения в условиях неязыковой среды будет служить текст на иностранном языке. Преподаватель должен отобрать те виды и типы текстов по изучаемой специальности, которые помогут студенту реализовать коммуникативные возможности говорения.

Как показывает опыт, следует начинать с простейших описаний, характеристик в монологической форме, с их обработки на самом начальном этапе. Затем можно изучать и более сложные по структуре и стилю тексты, но как можно раньше стараться выработать у студента алгоритм его деятельности в режиме коммуникативной пары «преподаватель – студент», «студент - студент». Необходимо также отобрать для работы профессионально релевантный материал, учитывать предварительные знания обучаемого по языку и специальности, его возраст, цель коммуникации, вид коммуникации, степень обучения и др. После отбора словообразовательных, лексических и грамматических структур, необходимых для освоения изучаемых текстов, начинается их тренировка. Следует постоянно помнить о «диалогической» форме упражнений, в том числе и при введении лексики. Уместно также тренировать не только терминологическую и общенаучную лексику, но и служебную лексику научной прозы и модально-оценочную лексику устной формы общения.

Необходимо подчеркнуть, что работа по созданию базовых знаний должна проходить, особенно на начальном этапе, по четким алгоритмам с озвучиванием всего материала. Начинать работу можно и с чтения текста, но в идеале нужно стремиться к восприятию информации «с голоса». Здесь может оправдать себя и использование «интонационного чтения» современных интенсивных методик. И, конечно же, следует шире использовать современные аудио- и мультимедийные средства.

Текст как основная учебная единица при обучении иностранному языку должен, особенно на первых порах и для студентов со слабыми знаниями, озвучиваться и прослушиваться многократно и повторяться целиком, различными блоками. Лишь тогда обучаемый сможет научиться определять основную тему текста и его логическую структуру, то есть распределение элементов «тема-тема», что и должно быть базой акта коммуникации по специальности. Главное состоит в умении позднее правильно задать вопрос (логически и грамматически) и более

или менее полно ответить на поставленный вопрос, т.е. уловить и поддержать беседу, помнить об основных проблемах и логике их изложения.

Обучение устной речи на иностранном языке, особенно по специальности в неязыковом вузе, - это сложный и трудоемкий процесс, так как в речи студента должны присутствовать элементы соответствующего текстового жанра, например научного стиля. Работа преподавателя облегчается тем, что речь эта может быть близка по многим параметрам положенному в основу обучения учебному тексту и иметь меньшее количество произвольных ситуативных возможностей. Многие «жизненные» ситуации можно «проиграть» в аудитории, когда мы от тренировочных упражнений будем переходить к диалогу. Речь может идти о прослушивании, чтении, заучивании, пересказе диалогов, завершении их по заданной ситуации или языковому материалу и составлении их по тому или иному принципу свободно. Можно использовать полный или частичный обратный перевод и т.п. Главное состоит в умении вычленивть основную тему проблемы, в умении правильно описывать, формулировать, возражать, отрицать, искать причину и т.п. (1,3). При развитии навыков устной речи на иностранном языке по специальности необходимо помнить, что монологический ее элемент не уступает диалогическому. Поэтому далее следует идти на увеличение объема монологической реплики в диалоге и позднее к чисто монологическим формам устной речи - резюме, реферирование, аннотирование, описание схемы, явления или процесса - вплоть до записи услышанного, что пригодится в конспектировании лекций и работ (6, 2). Естественно, что поставленной цели можно добиться только на основе коммуникативно-ориентированных учебников и учебных материалов. Разумеется, что на занятиях иностранным языком вырабатывается основной навык устной коммуникации, который может быть полностью реализован в жизни. Остальные виды речевой деятельности тренируются также, поскольку, как мы видели, служат основой для развития навыков устной речи.

Следует заметить, что изложение темы по специальности на экзамене по иностранному языку не может служить мериллом знаний, умений и навыков студентов в этой области. Это, как было изложено выше, скорее одно из тренировочных упражнений. Лишь в беседе с преподавателем или в паре «студент-студент», в постановке вопросов, ответах на них, при определении основной темы предложенного материала, аннотации на него и т.п. можно выяснить степень подготовленности обучаемого к дальнейшему пользованию иностранным языком.

Таким образом, инновационные технологии преподавания иностранных языков в неязыковом вузе заключаются в сочетании традиционных и интенсивных методов обучения, основанных на функционально-коммуникативной лин-

гводидактической модели языка, и разработке целостной системы обучения студентов речевому общению на профессиональные темы.

Литература

1. Андронкина Н. М. Проблемы обучения иноязычному общению в преподавании иностранного языка как специальности // Обучение иностранным языкам в школе и вузе. СПб., 2001. С. 150-160

2. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 278 с.

3. Гуль Н. В. Подготовка студентов к чтению неадаптированной литературы // Лингводидактические проблемы обучения иностранному языку. СПб., 2001. С.151-155.

4. Дмитриева Ю. М. и др. Немецкий язык: совершенствуем технику перевода. М.: Компания «Евразийский регион», 1997. 90 с.

5. Комарова Э. П. Структурно-композиционные характеристики научного текста // Новейшие методы преподавания иностранного языка студентам неязыковых специальностей вузов / М.: МГУ, 1991. С. 15

6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 422 с.

7. Мильяр-Белоручев Р.К. Теория и методика перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

8. Kontakt Deutsch. Langenscheidt Verlag, 2000.

9. Unternehmen Deutsch. Langenscheidt Verlag, 2000.

Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://www.yspu.yar.ru>

Н.А. Ворошилова Заслуженный работник народного образования УР,
ст. преподаватель Ижевский политехнический колледж

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В КОЛЛЕДЖЕ

Статья посвящена исследованию формирования навыков самостоятельной работы при обучении английскому языку. Рассматриваются вопросы планирования и организации самостоятельной работы учащихся на основе опыта работы автора.

The article is devoted to the formation of the skills of independent work in teaching English. The problems of planning and organization of independent work of students are considered on the basis of experience of the author

Ключевые слова: самостоятельность, компетентностный подход, взаимодействие, самоконтроль, проект

Keywords: autonomy, competence-based approach, interaction, self-control, project.

В контексте требований компетентностного подхода к организации лингвистического образования на первый план выдвигается задача формирования ключевых компетенций (коммуникативной и учебной). Одним из способов решения названной проблемы может стать активизация самостоятельной работы студентов в условиях аудиторной и внеаудиторной учебной деятельности.

Понятие, обозначаемое словом «самостоятельность», рассматривается как некая альтернатива традиционному обучению иностранным языкам, хотя не отрицается тот факт, что последнее вовсе не лишено элемента самостоятельности со стороны студентов, которые нередко выполняют работу в группе и дома. Однако степень самостоятельности студентов должна и может быть неизмеримо большей.

Количество и качество самостоятельного учебного труда студентов во многом зависят от того, верит ли учитель в эффективность самостоятельного учения, умеет ли организовать и направить такую работу в нужное русло. Давая домашнее задание, учитель уже как бы исходит из предложения, что студенты способны работать самостоятельно или, по крайней мере, должны быть способны это делать. Однако самостоятельность работы в данном случае заключается лишь в том, что студентам предлагается выполнить задание, выбранное для них учителем, без помощи со стороны педагога.

Ориентированный на обучаемого учебный процесс предполагает, что студенты определяют цели и задачи своей деятельности, отбирают необходимый материал, пользуясь разнообразными источниками, планируют содержание этой деятельности и осуществляют ее, добиваясь искомого результата. В таком случае определенный уровень самостоятельности является необходимым психологическим условием успешной деятельности. Эффективность обучения тем выше, чем в большей мере ситуация стимулирует студентов к свободному общению. Другими словами, самостоятельное учение предполагает более последовательно ориентацию на самостоятельность учебного труда студентов, которая может выражаться в следующем: студенты участвуют в определении целей и задач учения, в

отборе тем для изучения, в планировании уроков (сюжетные ходы, ситуации, виды взаимодействия с другими студентами); влияют на темп прохождения материала и выбор видов деятельности с ним; при необходимости запрашивают дополнительную информацию у педагога или добывают ее из различных источников, консультируются с учителем, если необходимо; сами иницируют и организуют проведение некоторых видов работ на уроке и во внеурочное время; размышляют о процессе усвоения языка; влияют на то, как и когда исправляются ошибки; высказывают свое отношение к выполняемым видам деятельности упражнениям. Все это принято обозначать как способность и желание студентов принимать на себя определенную долю ответственности за ход и результаты процесса овладения иностранными языками.

Условия необходимые для организации самостоятельного учения, включают два основных момента: 1) психологическую готовность и желание студентов отправиться в «автономное плавание» и учителя – организовать и направлять их деятельность; 2) способность студентов действовать в соответствии с собственными внутренними мотивами и целями, а не навязанными кем бы то они было извне; способность учителя создать необходимые условия для самостоятельного учения и правильно определить свое место в этом процессе.

Обеспечение этих условий представляется делом весьма непростым.

Прежде всего, большинству студентов достаточно сложно осознать собственные желания сформулировать конкретную конечную цель и спланировать цепь задач, решение которых ведет к достижению цели. В этом мире требуется помощь и поддержка со стороны учителя, не редко и родителей, а также других студентов. Особое значение имеет атмосфера доброжелательности, доверие, взаимной помощи и творчества, которая создается и поддерживается учителем.

Одна из важнейших задач, которая решается учителем в тесном взаимодействии с родителями, - это формирование у студентов определенного отношения к учению: желание учиться, проявлять инициативу, стремление к сотрудничеству, динамичность, готовность обсуждать собственные успехи и не удачу в учении. Наряду с этим студенты нуждаются в целом ряде умений, которые необходимы для самостоятельного учения: осознавать собственные потребности, выбирать адекватные способы и средства их реализации, оценивать результаты своего труда и т.п. Очевидно, что степень сформированности перечисленных умений у различных студентов будет одинаковой, что не мешает им при поддержке учителя и товарищей развиваться и совершенствоваться в самостоятельном овладении предметом.

Организация самостоятельного учения предполагает, что учитель обладает специальными знаниями и умениями. Учитель должен **знать**, какой уровень са-

мостоятельности с учетом его личных умений, опыта, отношений доступен ему самому; познавательные и эмоциональные характеристики студентов, их умения и отношения к самостоятельному учению. Учитель должен **понимать** принципы, лежащие в основе теории самостоятельного учения, и особенности их реализации в практике преподавания. Учитель должен **уметь** направлять работу коллектива студентов, каждый из которых активно участвует в принятии решений; использовать различные способы и приемы работы, а также разнообразные учебные материалы; наблюдать за продвижением каждого студента и помогать ему формировать собственный стиль учения; поддерживать чувство успеха и желание студента учиться.

Назовем факторы, способствующие созданию благоприятных для самостоятельного овладения иностранными языками условий.

1. Подход к овладению иностранными языками как процессу добывания знаний. Студенты строят гипотезы о законах функционирования языка и проверяют их, сравнивают значения соответствующих слов и особенности речевого этикета в родном и иностранных языках. Таким образом, студенты учатся учиться.

2. Создание в ходе учебного процесса ситуаций, которые ставят студентов перед необходимостью самостоятельно, что и как сказать. Такие ситуации позволяют имитировать процесс коммуникации, в котором человек вынужден принимать ряд осознаваемых и интуитивных решений относительно содержания и формы высказывания для достижения коммуникативной цели.

3. Выделение студенту в каждый отдельный момент учебного процесса нужного ему времени. Студент должен располагать временем, необходимым и достаточным для обдумывания и принятия решения, которое позволит ему успешно овладеть новым языковым явлением, ответить на вопрос учителя, понять текст, сделать высказывание и т.п. Студент также должен иметь право на ошибку и располагать временем для ее исправления. Это научит его не пугаться ошибок или временного затруднения в понимании сообщения.

4. Опора на педагогику сотрудничества. Самостоятельное учение не исключает, а наоборот, предполагает сотрудничество студентов в группе: они обмениваются идеями, мнениями, информацией, учатся друг у друга. Поэтому значительное место в учебном процессе отводится работе в парах, группах, командах. Как известно, в таких формах работы студенты добиваются поставленной цели, сотрудничая с одноклассниками. Работая в малых группах или командах, каждый получает возможность реализовать в том, что является его сильной стороной, и получить помощь в том, в чем он слабее других. Это способствует созданию ситуации взаимной поддержки, облегчает формирование коммуникативных умений, стимулирует речевое творчество. Со-

трудничая, студенты учатся работать без контроля со стороны учителя, но совместно с товарищами стремятся к единой самостоятельной выбранной цели.

В ходе самостоятельного учения студент овладевает целым рядом важнейших умений узкого и широкого специального характера: осознавать свои потребности, цели; планировать свой учебный процесс; отбирать необходимые материалы, а также способы и приемы учения; пользоваться различными видами учебных материалов; справляться с разнообразными заданиями; осмысливать и обсуждать ход и результаты, а также собственный стиль учения; взаимодействовать с учителем и товарищами; сотрудничать, оказывать поддержку и прочее.

Введение элементов самостоятельности в учебный процесс должно осуществляться поэтапно и осторожно, наращиваться от года к году, все изменения – соотноситься с возможностями и потребностями студентов. Степень самостоятельности студента будет различной в зависимости от особенностей его личности, которые должны быть осмыслены и учтены и учителем, и самими студентами.

Отдавая должное идее самостоятельности учения, отметим, что целесообразной представляется та система обучения, которая носит смешанный характер. На начальном этапе доля учебного времени, отводимая на самостоятельное учение, не должна превышать одной трети. Студенты сами выбирают виды самостоятельной работы в соответствии со своими интересами и потребностями. Эта работа может носить игровой характер и выполняться в парах или небольших группах. Таким образом, уже на начальном этапе студенты учатся учиться и получать удовольствие от учения. После второго года обучения время, отводимое на самостоятельное (автономное) учение, может быть увеличено, что естественно, так как и потребности, и интересы студентов со временем становятся более специфическими.

Очень большое значение, особенно на старшем этапе, имеет ролевое общение.

В процессе самостоятельной деятельности студент должен научиться выделять познавательные задачи, выбирать способы их решения, выполнять операции контроля над правильностью решения поставленной задачи, совершенствовать навыки реализации теоретических знаний.

Итак, при выполнении любого вида самостоятельной работы студент должен пройти следующие этапы:

- Определение цели самостоятельной работы;
- Конкретизация познавательной (проблемной или практической) задачи;
- Самооценка готовности к самостоятельной работе по решению поставленной или выбранной задачи;
- Выбор адекватного способа действий, ведущего к решению задачи (выбор путей и средств для её решения);

- Планирование (самостоятельно или с помощью преподавателя) самостоятельной работы по решению задачи;
- Реализация программы выполнения самостоятельной работы;
- Осуществление в процессе выполнения самоконтроля за ходом самостоятельной работы, самоконтроль промежуточных и конечного результатов работы, корректировка на основе результатов самоконтроля программ выполнения работы, устранения ошибок и их причин.

Из опыта работы

Одна из актуальных проблем современной методики обучения иностранным языкам – ориентация всего учебного процесса на активную самостоятельную работу обучающихся.

На 1-2 курсах я создаю и использую на уроке и во внеурочной работе учебные материалы со специальной ориентацией на самостоятельную работу. Каждая учебная операция регламентируется и контролируется: выполнение упражнений с подстановочными таблицами, выбор правильного ответа сопоставление, подбор соответствующего варианта. То есть, у студентов происходит формирование поисково-исполнительской самостоятельности. Кроме того, я продолжаю работать над совершенствованием произносительно-интонационных, аудитивных навыков, чтения вслух. На 3 курсе содержание самостоятельной работы включает усвоение сведений о национальной культуре, особенностях быта страны изучаемого языка, формирование языкового сознания. В связи с этим мною подготовлена методичка по англо-говорящим странам. «Дополнительное чтение», т.к. недостаточно использовать только материалы, входящие в УМК. Последняя наша работа в соавторстве с Зуевой Е.О. и Щетниковой О.С. – «Книга для домашнего самостоятельного чтения».

С целью формирования поисково-исполнительской самостоятельности я подбираю материалы, которые дают лишь общее направление самостоятельным действиям студентов, а управляющие функции я осуществляю лишь в общем плане. Чтобы предоставить достаточную свободу творческой инициативе студентов, для организации самостоятельной работы задания преобразующего вида должны быть доступны и интересны.

На 3-4 курсе я предоставляю студентам большую творческую самостоятельность и мой контроль заменяется самоконтролем. Все задания предполагают либо парную работу, либо работу в микрогруппах без непосредственного контроля с моей стороны. При отборе и составлении материалов для самостоятельной работы я учитываю возможность создания коммуникативной направленности и осуществления условно-коммуникативных упражнений типа: разговор по телефону, собеседование в бюро по трудоустройству или в офисе, чтение текста парт-

неру, рассказ партнеру, вопросно-ответные упражнения с использованием различных опор и ключей и постепенным их снятием. Для самостоятельной учебной деятельности я использую материалы, предполагающие групповые формы работы, например, подготовка проектов (долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных), реклам, проспектов. Как правило, такие задания студенты выполняют в микрогруппах от 3 до 5 человек. Микрогруппы могут быть постоянными (реже), либо сменного состава. Проекты составлялись по разным темам: реклама автомобиля, станка, интернационализмы в названии фирм и различных заведений, группа «Битлз», англо-говорящие страны, охрана окружающей среды, социальная защита населения. Так, например 3 года назад в группе (специальность ТМ) был проведен урок по теме «Моя будущая профессия». Группа завершала изучение английского языка в колледже, и этот урок относится к серии уроков предэкзаменационного повторения. Работа была организована с опорой на самостоятельную деятельность студентов. Группа была поделена на 3 микрогруппы. Каждая микрогруппа готовила свое задание. В данном случае я осуществляла дифференцированный подход к студентам. Студенты микрогруппы «А» сходили в музей колледжа и подготовили материалы, связанные с профессией. Студенты микрогруппы «В» посетили международную выставку машиностроения, принесли рекламные материалы и подготовили их обзор. Студенты микрогруппы «С» подготовили сообщение об устройстве токарных станков в мастерской. Кроме того, все студенты выполняли задание творческого характера: нахождение используемой в быту и в устройстве станков разной по значению, но одинаковой по орфографии лексики. На завершающем этапе урока студенты читали незнакомые тексты о типах станков в микрогруппах, а затем лидер микрогруппы отчитывался о работе микрогруппы. В уроке принимали участие студенты группы 841 (родственная профессия) в качестве экспертов. Они проводили анализ урока по заданию преподавателя по предмету «Педагогическое мастерство», также помогли мне оценивать студентов за их разные виды на уроке. Все последующие открытые уроки были проведены с опорой на самостоятельную творческую работу студентов с использованием методов проектов и личностно-ориентированного подхода. В соавторстве с коллегами Зуевой Е.О., Бызовой О.В., Щетниковой О.С., Соловьевой С.П. Эти уроки – «Ярмарка профессий», «Взаимосвязь языков», «В гостях хорошо, но дома лучше»

Разрабатывая задания, я стремлюсь к тому, чтобы деятельность студентов носила творческий характер, будила их мысль, стимулировала поиск самостоятельных решений.

Самостоятельная работа на уроках английского языка способствует формированию у студентов навыков учебного труда, самоконтроля, позволяет включить каждого студента в активную учебную деятельность.

Подводя итог вышесказанному, можно дать следующее определение самостоятельной работе студентов: самостоятельная работа – это метод непрерывного образования и одновременно средство индивидуализации, процесса обучения в виде фронтальной, групповой и индивидуальной учебной деятельности которая может выполняться как в аудитории, так и во внеаудиторное время и в основу которой положено взаимодействие преподавателя и обучающихся, носящее партнерский и паритетный характер, характеризующееся большой активностью протекания познавательных процессов и служащее средством повышения эффективности процесса обучения и подготовки студентов к самостоятельному пополнению своих знаний в течение всей жизни.

Подписано в печать 23.01.11. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура "Minion Pro". Печать на ризографе.

Усл.печ.л. 5,2. Уч.изд.л. 4,9.

Тираж 200 экз. Заказ № 358.

Редакционно-издательский отдел

Камского института гуманитарных и инженерных технологий

426003, г. Ижевск, ул. Сивкова, 12а.